БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Книга 2

Евгений Елачичъ

Сильные духомъ

Разсказы

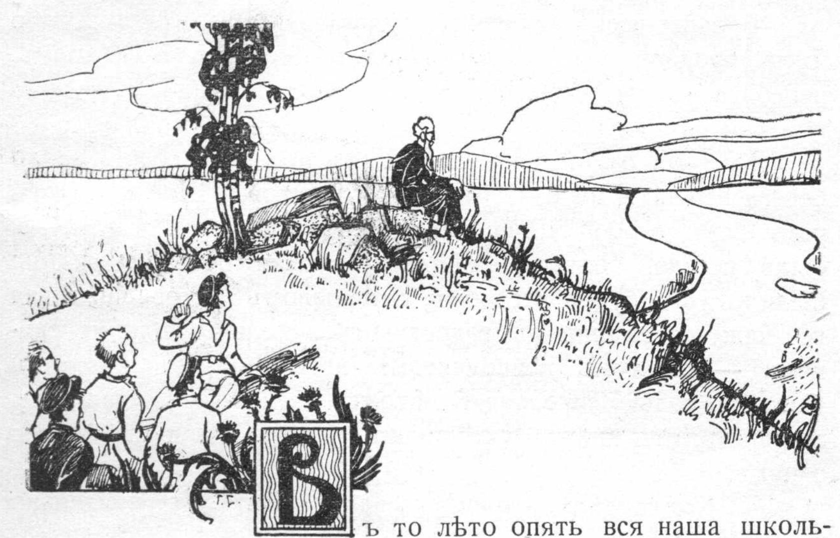
Бѣлградъ
1930

Печатается въ количествѣ 1000 экземпляровъ.

Рисунки И. Самойлова.

Исп. М. Г. Ковалевъ, Тип. „Фениксъ“, Бѣлградъ.

СЛАВЯНСКАЯ ВОЛЬНИЦА.

Въ то лѣто опять вся наша школьная компанія, вся наша Славянская Вольница, была въ сборѣ, и мы вмѣстѣ проводили время на хуторѣ моего отца въ низовьяхъ Дуная.

Нашу компанію -- пятерыхъ вѣрныхъ друзей, неразлучныхъ товарищей — кто-то назвалъ „Славянскою Вольницею", и кличка эта за нами прочно укоренилась. Что мы были вольница, — въ этомъ не было сомнѣнія: стоило только познакомиться съ длинной вереницею нашихъ приключеній, съ исторіей нашихъ прогулокъ — походовъ, нашихъ шалостей; а что мы были вольницею — славянскою, такъ это тоже было вполнѣ справедливо и вытекало изъ того, что мы являлись представителями различныхъ славянскихъ народовъ. Мы съ братомъ были русскіе, какъ и Митя Орловъ, одноклассникъ моего брата — Ника Оранекъ былъ чехъ, а мой пріятель и сосѣдъ въ классѣ Драголюбъ Станковичъ былъ чистокровнымъ сербомъ.

Не было дня, чтобы мы не предпринимали какихъ либо экскурсій, поѣздокъ. Взятые каждымъ изъ насъ съ собою для лѣтнихъ занятій учебники и умныя книги мирно дремали въ нашихъ дорожныхъ корзинахъ. Изрѣдка братъ мой припоминалъ, что ему предстоитъ осенью переэкзаменовка по алгебрѣ, но..., но эти непріятныя воспоминанія мало нарушали наше общее веселіе.

Больше всего любили мы отправляться на берегъ Дуная. Тамъ бродили мы по пустыннымъ берегамъ и отмелямъ, перебирались на острова, иногда даже предпринимали далекія поѣздки на лодкѣ.

Какъ-то разъ шли мы всѣ въ полномъ сборѣ около берега верстахъ въ 8—9 отъ нашего хутора. Шли на этотъ разъ безъ особой цѣли, просто шли наудачу. Но всѣмъ было весело, болтали, смѣялись, дурили безъ конца. Мы были въ томъ бурно веселомъ, смѣшливомъ настроеніи, когда все кажется смѣшнымъ, радостнымъ, веселымъ, однимъ словомъ — въ томъ приподнятомъ настроеніи, въ которомъ бываютъ только школьники лѣтомъ, въ компаніи, вдали отъ старшихъ, отъ книгъ, учебниковъ, и даже вдали отъ мысли о нихъ.

— Кто скорѣй! — крикнулъ вдругъ Митя и стремительно бросился бѣжать.

Никто не спросилъ — куда, зачѣмъ, но всѣ ринулись за нимъ, и началась гонка. Мы неслись, какъ угорѣлые, по направленію къ высокому кургану, одиноко стоявшему среди широкаго прибрежнаго простора. Мы бѣжали изъ всѣхъ силъ, никто не хотѣлъ отстать, а отставъ — не терялъ надежды нагнать и еше опередить другихъ. И впереди оказывался то Митя, то братъ, то длинноногій Драголюбъ. Чѣмъ ближе къ кургану, тѣмъ сильнѣе становился азартъ соревнованія. Мы летѣли, ничего не видя, съ разбѣга взбирались мы по склону кургана, падали, вскакивали, прорывались черезъ высокую траву, покрывавшую подножіе кургана и его склоны. Скорѣе, скорѣе, наверхъ, туда, на вершину кургана, — вотъ все, что мы чувствовали въ неистовствѣ гонки. Мы выбивались изъ силъ, я задыхался, и когда я, наконецъ, взбѣжалъ на желанную вершину, я упалъ, такъ же какъ и другіе, прямо на траву, головой въ колѣни брату.

Первымъ взбѣжалъ на курганъ Митя Орловъ. Его первенство никто не оспаривалъ, вторымъ — считали себя и Драголюбъ и братъ. Спорили, но безъ особаго увлеченія. Всѣ тяжело дышали и долго лежали, растянувшись въ душистой травѣ, испытывая блаженство отдыха.

А съ вершины кургана открывался широкій, великолѣпный видъ на Дунай, на его острова, на другой берегъ и на далекій, далекій рѣчной просторъ. Сколько въ этомъ просторѣ силы, сколько величія и мощи въ спокойномъ теченіи могучей рѣки. И этотъ чудный, живительный воздухъ.

— Хорошо! — невольно вырвалось у меня.

— Однако курганъ то оказался высокимъ, — сказалъ Митя. — Издали онъ мнѣ не показался такимъ.

— Да, а какъ стали на него взбѣгать — конца ему нѣтъ! — согласился Драголюбъ.

— Высокій курганъ, что и говорить!

— „Въ степи на равнинѣ открытой
Курганъ одинокій стоитъ.
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе годы зарытъ", — продекламировалъ я.

— Любопытно было бы знать, кто тамъ зарытъ! И почему это у насъ не раскапываютъ кургановъ!

— А вонъ, смотрите, утки летятъ! — показалъ Ника.

Дѣйствительно, — длинная вереница утокъ неслась съ того берега Дуная къ намъ и дѣлала въ воздухѣ какой-то широкій загибъ. Утки перелетѣли на нашу сторону, перелетѣли надъ нами и стали заворачивать назадъ. Мы всѣ внимательно слѣдили за ихъ полетомъ и, все еще лежа въ травѣ, поворачивали за ними голову.

— А это кто такой! — вдругъ шепотомъ сказалъ Митя.

— Гдѣ?

Но мы всѣ уже и сами замѣтили то, на что глазами показывалъ Ника. Недалеко отъ насъ, на другомъ склонѣ кургана сидѣла въ высокой травѣ какая-то странная, неподвижная фигура. Мнѣ сперва даже показалось, что это камень, статуя, памятникъ, однимъ словомъ, — что-то неживое. Но это былъ человѣкъ и при томъ несомнѣнно живой человѣкъ. Длинная борода его свѣшивалась до груди. Темно-коричневое пальто его съ какимъ-то капюшономъ придавало ему

сходство съ монахомъ. Незнакомецъ сидѣлъ въ какихъ либо десяти шагахъ отъ насъ, сидѣлъ неподвижно, молча. Мы тоже всѣ вдругъ замолчали.

— Это и есть „богатырь знаменитый“ этого кургана, — шепотомъ сказалъ братъ. Но никто не засмѣялся.

Всѣ смотрѣли на незнакомца и старались понять — кто же это. А онъ не двигался. Только видно было, что онъ задумчиво смотритъ куда-то, видно было, какъ медленно поднимается и опускается его грудь. Было что-то непріятное въ его неподвижности. По крайней мѣрѣ мнѣ тогда такъ показалось.

Наступила тишина томительнаго, напряженнаго молчанія.

Онъ сидѣлъ слишкомъ близко отъ насъ, чтобы мы могли разговаривать, не обращая на него никакого вниманія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сидѣлъ слишкомъ далеко отъ насъ чтобы намъ самимъ заговорить съ нимъ.

Вдругъ онъ медленно повернулся къ намъ и внятно, хотя и не громко, произнесъ:

— Здравствуйте!

Мы сразу откликнулись. Тѣ изъ насъ, у кого на головѣ были фуражки, сняли ихъ, остальные поклонились.

— Кто вы такіе, и зачѣмъ вы здѣсь? — такъ же спокойно и съ разстановкою спросилъ незнакомецъ.

Мы переглянулись, и братъ мой за всѣхъ насъ отвѣтилъ. Онъ назвалъ нашу фамилію, названіе отцовскаго хутора и добавилъ, что остальные — наши товарищи по гимназіи и гости.

— Не знаю такихъ, не слыхалъ, — сказалъ незнакомецъ. И потомъ помолчавъ, какъ бы для поясненія или для оправданія себя, добавилъ:

— Я не здѣшній.

И какъ-то сразу, Богъ знаетъ почему, вся неловкость, все минутное смущеніе наше мигомъ разсѣялись, и на насъ опять нашло наше веселое, смѣшливое настроеніе.

— Мы называемся еще — „Славянская Вольница“, — сдерживая улыбку и дѣланно серьезнымъ тономъ произнесъ Драголюбъ.

— Почему же вы именуетесь еще „Славянскою Воль-

ницею?“ — совсѣмъ серьезно и такъ же медленно, почти торжественно спросилъ незнакомецъ.

— А потому, — отвѣчалъ Драголюбъ, — что мы славяне и при томъ вольные. Здѣсь передъ вами представители сербскаго, русскаго и чешскаго народа! — все съ тою же дѣланною важностью изрекалъ Драголюбъ, стараясь придать и голосу своему и лицу своему самое серьезное выраженіе.

— Кто же изъ васъ сербъ?

— Это я!

— А вотъ онъ — чехъ? — спросилъ незнакомецъ, указывая на Нику.

— Да, я чехъ! — отвѣчалъ Ника.

— Теперь понимаю, почему вы такъ называетесь. Это очень хорошо!

Насъ началъ разбирать неудержимый смѣхъ, и мы съ трудомъ сдерживались, чтобы не разсмѣяться. Замѣчалъ ли незнакомецъ, что мы дуримъ, или нѣтъ — не знаю, но онъ продолжалъ говорить все такъ же серьезно, немного возвышенно, торжественно.

— Теперь понимаю, — продолжалъ онъ, — почему вы собрались именно на этомъ мѣстѣ.

— А чѣмъ же это мѣсто примѣчательно? — спросилъ кто-то изъ насъ.

— И именно для „Славянской Вольницы?“

— Какъ? Развѣ вы не знаете, что это за курганъ!? — съ искреннимъ удивленіемъ спросилъ незнакомецъ, даже нарушивъ свой прежній торжественный тонъ.

— Нѣтъ, не знаемъ.

— Тутъ вѣдь много кургановъ разбросано, — добавилъ Ника.

— И большая часть ихъ, — просто старые сторожевые курганы, — дѣловито разъяснилъ братъ.

Незнакомецъ грустно и укоризненно покачалъ головою.

— И вы называете себя „Славянскою Вольницею!“

— Да, мы такъ называемъ себя! — съ дѣланною грустью и какъ бы со смущеніемъ сказалъ Митя.

— Какіе же вы славяне, — началъ незнакомецъ, помолчавъ немного, — если вы не знаете, что это священный славянскій курганъ? Что такой курганъ — одинъ?!

— Простите насъ великодушно, — но, грѣшны. Поистинѣ сказать — не вѣдаемъ мы, что это за славный курганъ.

— Но испытываемъ трепетъ въ сердцахъ и жажду познанія, — почти насмѣшливо добавилъ Митя.

Но незнакомецъ точно не слышалъ его замѣчанія.

— О, какой это славный курганъ! — продолжалъ старикъ, точно про себя, точно его слова относились вовсе не къ намъ.

Въ его голосѣ было что-то искреннее, правдивое. Мнѣ становилось совѣстно, что мы почти смѣемся надъ нимъ. Я всталъ, подошелъ къ нему, сѣлъ съ нимъ рядомъ и попросилъ:

— Вы бы разсказали намъ про курганъ.

— Да, да, разскажите пожалуйста! — поддержалъ меня Драголюбъ и тоже подсѣлъ къ намъ. Остальные члены „Вольницы“ молчали и съ любопытствомъ улыбались.

Не выражая ни согласія своего, ни отказа, старикъ ласково посмотрѣлъ на меня и почему-то тихонько тронулъ меня рукою, точно онъ хотѣлъ убѣдиться, что я дѣйствительно человѣкъ и дѣйствительно сижу около него.

— Вы люди ученые, — сказалъ онъ, наконецъ, — вамъ бы лучше знать надлежало все это, чѣмъ мнѣ. Чуть ошибешься, — вы все сейчасъ же примѣчаете и во всемъ тему для смѣха легко обнаруживаете.

Старикъ говорилъ не совсѣмъ правильнымъ русскимъ языкомъ, съ большою примѣсью чисто книжныхъ выраженій и оборотовъ. Выговоръ у него былъ тоже не русскій, а какой — я тогда не могъ уловить и не зналъ.

— О какъ давно это было! Еще раньше, гораздо раньше, чѣмъ появились славянскіе народы, когда еще не было ни чеховъ, ни русскихъ, ни сербовъ, а были одни только славяне, просто славяне.

— Значитъ, это было примѣрно въ III вѣкѣ до Рождества Христова, — перебилъ его Ника, нашъ гимназическій историкъ.

— Да не перебивай ты его! — взмолился я.

— Царствовалъ въ то время, — продолжалъ старикъ, даже не поднявъ на Нику глазъ, — въ славномъ городѣ Римѣ великій и могущественный царь Аріанъ.

— Такого царя, къ сожалѣнію, не было, — не унимался

Ника. — Былъ въ Римѣ императоръ Адріанъ въ первой половинѣ второго вѣка послѣ Рождества Христова; а то еще, нѣсколько позднѣе, уже въ четвертомъ вѣкѣ, былъ такой еретикъ по имени Арій, — а средняго между ними не было.

— Да перестань пожалуйста, — началъ я сердиться. — Ну чего ты пристаешь!

Но и братъ, и Митя стали унимать Нику, а старикъ только посмотрѣлъ на него, помолчалъ и спокойно продолжалъ.

— Вы люди ученые. Я съ вами спорить не могу, и вамъ, конечно, все это лучше извѣстно. Только вотъ все же въ Римѣ былъ царь Аріанъ, могущественный и преславный. И не было ему равнаго въ силѣ и славѣ. Покорилъ онъ державѣ своей всѣхъ царей земныхъ, всѣ народы людскіе, какіе только были ему вѣдомы. Даже эфіоповъ, фараоновъ, гоговъ и магоговъ, — всѣхъ завоевалъ. И вотъ былъ однажды у славнаго царя Аріана пиръ званый. Созвалъ онъ на пиръ этотъ всѣхъ своихъ военачальниковъ, сенаторовъ и всѣхъ подвластныхъ царей, королей, князей и султановъ. И когда собрались всѣ гости, всѣ въ золотѣ, въ жемчугахъ и камняхъ драгоцѣнныхъ, собрались въ палатахъ царскихъ разукрашенныхъ богатствами неслыханными, со всего свѣта собранными, свезенными, — возвеселился царь Аріанъ. Всѣ его славу величаютъ, всѣ могущество его прославляютъ и ужъ съ солнцемъ, чуть не съ Богомъ самимъ равняютъ его.

Поднялъ царь Аріанъ свой алмазами украшенный золотой кубокъ, — и сразу замолкли всѣ, и настала въ палатахъ царскихъ тишина безмолвная, точно опустѣли онѣ сразу чудомъ какимъ.

И сказалъ царь Аріанъ: — Сегодня пиръ! Я созвалъ васъ всѣхъ на пиръ. Давно уже славна держава дѣда и отца моего непобѣдимаго. Но были еще на землѣ державы ей непокорныя. А нынѣ — мы побѣдили всѣхъ! Внемлите же всѣ, что вернулся съ похода мой славный вождь Вреліанъ, вождь непобѣдимыхъ моихъ легіоновъ. Онъ привезъ мнѣ вѣсть о новой побѣдѣ моей, о побѣдѣ надъ послѣднимъ еще не подвластнымъ державѣ моей царемъ Адаканскимъ. Покорено нынѣ и это царство, и самъ царь Адаканскій Геліохонъ плѣнникомъ прибылъ сюда, а нынѣ, не какъ плѣнникъ, а какъ

гость мой сидитъ за моимъ столомъ. Хвала тебѣ, Вреліанъ! Я возвеличу тебя по заслугамъ, а нынѣ, въ знакъ моей къ тебѣ милости, прими этотъ перстень съ руки моей, который носилъ еще отецъ мой и которому нѣтъ цѣны!

И поднялся крикъ и ликованіе великое. Всѣ наперерывъ величали Вреліана и преклонялись передъ царемъ Аріаномъ, побѣдившимъ весь свѣтъ. Пѣвцы смѣняли пѣвцовъ, клики радости заглушали музыку, и пиръ разгорался все веселѣе, все шире и пышнѣе.

И вотъ въ серединѣ пира опять приказалъ царь Аріанъ знакомъ, чтобы все замолчало и съ радостнымъ ликомъ въ сіяніи славы своей и побѣды такъ возгласилъ:

— Празднуемъ мы сегодня счастливое завершеніе великаго завоеванія и объединенія всего свѣта, всей земли подъ единой державой моей. Но скажите вы, — къ вамъ гости мои, цари и правители подвластныхъ мнѣ царствъ, рѣчь моя, — скажите, — знаете ли вы, или слышали ли вы тамъ дома у себя о какихъ либо еще другихъ, далекихъ, невѣдомыхъ намъ странахъ и государствахъ? Есть ли гдѣ еще на землѣ какой народъ, не покорившійся намъ, не признавшій еще нашей власти? Жду отвѣта вашего, говорите!

И одинъ за другимъ вставали цари, короли, князья и султаны и клялись всѣми правдами и всѣми богами земель своихъ, что нѣтъ болѣе ни одной державы, ни одного народа, не подвластнаго великому Риму. И еще радостнѣе и веселѣе становился царь Аріанъ. Только одинъ гость молчалъ, только одинъ не сказалъ ни слова единаго, только одинъ молча держалъ въ рукѣ золотую чашу, изрѣдка лишь, приличія ради, поднося ее къ губамъ своимъ. Это былъ царь Геліохонъ Адаканскій. И замѣтилъ это царь Аріанъ, замѣтилъ но не прогнѣвался и обратился къ нему со словомъ ласковымъ:

— Жду и твоего отвѣта, царь Геліохонъ, еще недавно — нашъ доблестный и храбрый супостатъ, а нынѣ — гость нашъ и управитель новой области державы моей!

Не хотѣлось Геліохону говорить, но не посмѣлъ онъ смолчать, всталъ, поклонился и такъ отвѣчалъ Аріану:

— Велика держава твоя, и могущество твое несравненно!

Но не заставляй меня говорить! Ты и безъ меня видишь передъ собою покоренною всю славу земную.

— Нѣтъ, Геліохонъ! Всѣ сказали слово свое правдивое. Хочу слышать и твой отвѣтъ. Если знаешь ты про державу, намъ не подвластную, то не скрой ее отъ насъ. Назови ее. Я хочу знать!

Снова поклонился Геліохонъ Аріану въ знакъ покорности своей слову его и началъ такъ:

— Ты такъ могуществененъ, о царь, что слабый голосъ покореннаго Адаканскаго царя не можетъ прибавить тебѣ ни крупинки замѣтнаго блеска. Но, если ты велишь мнѣ говорить, то выслушай меня безъ гнѣва. Много знаю я земель и народовъ, великихъ и малыхъ, но всѣхъ ихъ ты покорилъ уже давно. Но тамъ на востокъ отъ земли Адаканской, тамъ въ степяхъ на другомъ берегу Дуная рѣки, живетъ народъ, тебѣ, царь, невѣдомый. Не похожъ онъ на другихъ, подвластныхъ тебѣ и, можетъ быть, онъ и не стоитъ высокаго вниманія твоего. Народъ этотъ многочисленъ, земля его велика, и я никогда еще не встрѣчалъ человѣка, который зналъ бы, гдѣ край земли ихъ. Вѣдомо мнѣ, что многіе цари въ разное время пробовали воевать съ этимъ народомъ, и отецъ мой, да и я въ молодости, не разъ воевали противъ него. Вѣдомо мнѣ, что бывали бои, въ которыхъ ихъ побѣждали. Побѣдить ихъ въ бою не легко, но возможно. Покорить же ихъ нельзя, ни силой, ни хитростью, ни обманомъ, ни мечомъ, ни золотомъ.

Усмѣхнулся Аріанъ и, весело взглянувъ на Вреліана и на другихъ военачальниковъ своихъ, спросилъ:

— Имя, какъ имя этого непокореннаго народа, Геліохонъ!

— Зовутъ ихъ различно. Сами они называютъ себя славянами.

— Славяне? — повторилъ съ удивленіемъ Аріанъ.

— Славяне? — шепотомъ и съ улыбкою недовѣрія повторяли удивленные гости. — Что это за народъ? Кто слыхалъ когда о такомъ народѣ? Вѣрно племя горное? Какъ онъ назвалъ ихъ? Славяне?

— Кто же царь у нихъ или султанъ? — вопросилъ

Аріанъ. — Гдѣ ихъ городъ престольный? Скорѣе, скорѣй повѣдай мнѣ, о Геліохонъ!

— Великій царь! — отвѣчалъ Геліохонъ. — У нихъ нѣтъ ни царя, ни короля, ни султана, ни князя. Нѣтъ у нихъ и престольнаго града.

— Вотъ это славно! — воскликнулъ Аріанъ и весело засмѣялся.

А за нимъ засмѣялись всѣ гости, и просторныя палаты наполнились долгимъ, дружнымъ, несмолкаемымъ смѣхомъ. Смѣялись всѣ, даже молчаливые прислужники, даже рабы дерзнули усмѣхнуться. Не смѣялся только одинъ царь Геліохонъ.

Онъ низко поклонился царю Аріану и спокойнымъ голосомъ старца, много видавшаго на своемъ вѣку, произнесъ:

— Я не хотѣлъ говорить, но ты повелѣлъ. Зная и видя великую силу и власть твою, — всѣмъ здѣсь смѣшными кажутся слова мои. Но я, потерявшій въ войнѣ съ славянами отца и двухъ сыновей моихъ, я знаю, что я говорю. Пусть я доставленъ сюда къ тебѣ, великій царь, бѣднымъ плѣнникомъ, но никогда въ жизни своей Геліохонъ не говорилъ словъ своихъ на смѣхъ. И я повторяю только то, что сказалъ: побѣдить ихъ можно, но покорить — никогда и никому! — и онъ снова низко поклонился царю Аріану. Но въ осанкѣ и въ голосѣ стараго плѣненнаго царя было столько гордости, столько прирожденной величавости, что смолкнулъ смѣхъ, и лицо Аріана стало задумчивымъ.

Аріанъ далъ знакъ, чтобы пиръ продолжался. Снова заиграла музыка, снова стали разносить дорогія вина, рѣдкія яства, усыпать цвѣтами длинные столы. И снова начался говоръ, шумъ и веселье. Сотня нубійцевъ въ полномъ вооруженіи, какъ бѣшенные, пронеслись между столами, исполняя свои воинственныя пляски. Ихъ смѣнили танцовщицы далекаго востока, страстныя пляски египтянокъ, томныя круженія персидокъ, странные и дикіе танцы разукрашенныхъ перьями черныхъ эфіоповъ, а за тѣмъ снова воинственныя пляски галловъ, басковъ и бриттовъ.

Царь Аріанъ милостиво разговаривалъ съ приближенными и гостями, весело улыбался, хвалилъ танцы, пилъ свое любимое икмарійское вино, — и только одинъ старый Пуберій, любимецъ царя и первый правитель, только онъ одинъ

съ волненіемъ и трепетомъ въ сердцѣ замѣчалъ, что глубоко взволнованъ царь Аріанъ, что думаетъ онъ думу глубокую, и что далекъ онъ душою и мыслью отъ всего веселія, его окружающаго.

Позднею ночью кончился пиръ. Такого веселья и такого пышнаго пира никто и припомнить не могъ. Удалился царь Аріанъ въ свои внутренніе покои и отпустилъ всѣхъ. И сразу водворилась тишина въ обширномъ дворцѣ царя Аріана. Казалось, что сразу погрузился дворецъ въ глубокій сонъ. И только начальникъ стражи зналъ, что черезъ часъ, въ самую глухую ночь, царскій приближенный рабъ — германецъ Тиглинъ — вышелъ и сообщилъ, что царь требуетъ къ себѣ Пуберія. Еще черезъ часъ былъ срочно вызванъ и доставленъ въ царскую опочивальню плѣнный царь Геліохонъ, а еще черезъ два часа, уже на разсвѣтѣ, торопливо прошли къ царю спѣшно вызванные Вреліанъ и двое другихъ военачальниковъ.

Настало утро, и во всемъ дворцѣ чувствовалось какое-то смущеніе, тайное безпокойство и скрытая тревога. Что-то совершалось, что-то происходило или должно было произойти, но никто ничего достовѣрно не зналъ и не понималъ. Днемъ эта смутная тревога передалась въ городъ, а къ вечеру весь городъ уже зналъ, что царь объявилъ новый великій походъ, и самъ намѣренъ итти съ войсками на востокъ противъ невѣдомыхъ славянъ.

И вотъ поскакали въ разные концы свѣта гонцы съ царскими приказами, и задвигались войска, пошли, поѣхали, пѣшкомъ, на лошадяхъ, на слонахъ, на верблюдахъ и на корабляхъ тысячи и тысячи воиновъ на востокъ къ устьямъ Дуная. Лучшіе военачальники были вызваны изъ всѣхъ областей обширнаго государства, отборныя войска отъ каждой области спѣшно должны были прибыть подъ знамена Вреліана, который былъ назначенъ главнымъ военачальникомъ надъ всѣми войсками. А къ берегамъ Дуная во множествѣ свозили продовольственные припасы и на лодкахъ спускали ихъ внизъ по теченію. Всѣ со страхомъ и ужасомъ смотрѣли на эти невиданныя приготовленія. Такого множества войскъ еще ни разу не собирали римскіе цари въ одинъ походъ, такой силы не поднимали еще ни противъ кого. И самъ царь

со своими когортами безсмертныхъ на сотняхъ кораблей пустился внизъ по теченію Дуная, туда, къ устьямъ великой рѣки, туда, на востокъ, гдѣ на другомъ берегу этого Дуная живутъ невѣдомые славяне, еще не покорившіеся римскому владычеству.

Тутъ старикъ остановился и долго молчалъ. Никто уже не смѣялся. Постепенно всѣ наши подобрались и сѣли вокругъ разсказчика. Что касается меня, то я слушалъ его съ нескрываемымъ интересомъ. Все это переплетеніе историческихъ отголосковъ передавалось старикомъ съ такою глубокою вѣрою, что разсказъ его, невольно, приковывалъ къ себѣ вниманіе. Но разсказывалъ онъ какъ-то странно, своеобразно. Онъ не то говорилъ отъ себя, не то, мнѣ иногда казалось, онъ передавалъ какой-то заученный разсказъ, какъ сказитель былинъ. Мнѣ даже иногда казалось, что онъ говоритъ размѣромъ, бѣлыми стихами, но потомъ онъ опять сбивался на живую рѣчь. Мы не перебивали его, и довольно долго всѣ просидѣли въ полномъ молчаніи и неподвижно. Только Драголюбъ пересѣлъ, выбросивъ въ другую сторону свои длинныя ноги.

— И вотъ, — началъ снова старикъ, — здѣсь, вотъ именно здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ собралось несмѣтное войско царя Аріана. Здѣсь стояли вдоль берега расписные корабли его, и на прибрежномъ холмѣ, высоко надъ всѣмъ станомъ возвышался его золоченый шатеръ съ алыми царскими знаками на верху. А былъ этотъ берегъ и тогда уже землею славянскою, и здѣсь начинались исконныя земли славянъ. Аріанъ царь собрался въ походъ со всею мудростью своею. Не хотѣлось ему ничего дѣлать сгоряча, хотѣлъ онъ все предусмотрѣть, все обдумать заранѣе, приготовиться ко всему, ко всѣмъ неожиданностямъ далекаго похода. И велѣлъ онъ, стоя здѣсь станомъ и поджидая къ себѣ еще и еще тысячи войскъ пѣшихъ и конныхъ, безъ конца подходившихъ со всѣхъ концовъ свѣта, велѣлъ онъ гонцамъ ѣхать вглубь земли славянской и оповѣстить славянъ, чтобы всѣ князья ихъ и старшины шли къ нему на поклонъ и покорились ему всей землей безъ боя и безъ кровопролитья напраснаго. Послушнымъ и покорнымъ обѣщалъ онъ награды и почетъ подъ охраною римской державы, а непокорнымъ грозилъ

смертью и уничтоженіемъ всего рода, всего племени до послѣдняго младенца, до послѣдней старухи. И вотъ въ одинъ день донесли ему, что идутъ къ нему въ станъ славяне — послы отъ народа. Порѣшилъ Аріанъ принять ихъ въ полномъ блескѣ своего величія. „Пусть сразу“, рѣшилъ онъ, „если не поймутъ, то хоть почувствуютъ всю необъятную силу Рима. Покажу имъ потомъ войско мое, наберутся страху, и непокорные сами падутъ къ моимъ ногамъ и за себя и за весь народъ свой“.

Около шатра своего, на высокомъ холмѣ сидѣлъ царь Аріанъ на золотомъ престолѣ. И престолъ, и подножье его, и всѣ окружавшіе царя блестѣли золотомъ. А кругомъ стояли войска, войска безъ конца. Цѣлый лѣсъ копій, шлемовъ, цѣлыя стѣны живыя изъ воиновъ, закованныхъ въ стальную броню, со своими высокими щитами и кованными шлемами.

А самъ царь въ своихъ военныхъ золоченыхъ доспѣхахъ блестѣлъ и сіялъ такъ ярко, что на него больно было смотрѣть.

Всѣ отъ царя до послѣдняго воина съ любопытствомъ ждали — что́ это за враги, что́ это за супостаты такіе эти невѣдомые славяне, на которыхъ подняли весь Римъ съ его силой великою. Много ходило о нихъ разсказовъ чудесныхъ, но доподлинно никто ихъ не зналъ. Говорили, что они великаны, что они одноглазы; другіе увѣряли, что они черны, какъ эфіопы, а третьи клялись, что это злые карлики съ песьими хвостами. И вотъ, наконецъ, появились и прошли черезъ ряды блестящихъ войскъ невѣдомые люди. Шепотъ удивленія прошелъ по рядамъ, пробѣжалъ, какъ волна, и замолкъ у подножія царскаго трона. Такъ вотъ они какіе славяне!

Человѣкъ тридцать ихъ шло ровнымъ бодрымъ шагомъ, и сразу, еще издали видно было, что это не эфіопы, не карлики и не великаны, а люди, какъ люди, обыкновенные, хотя и невѣдомые. Рослые всѣ, на подборъ, широкіе въ плечахъ, молодые, русые, загорѣлые, — они казались всѣ на одно лицо. Всѣ бѣлые, съ большими мечами, легкими щитами, безъ лука, безъ стрѣлъ. Впереди всѣхъ шелъ глубокій старикъ, опираясь на длинную палку. Онъ одинъ былъ безъ оружія, шелъ бодро, твердою походкою, шелъ прямо черезъ ряды войскъ къ царскому шатру. Тысячи глазъ впивались въ нихъ.

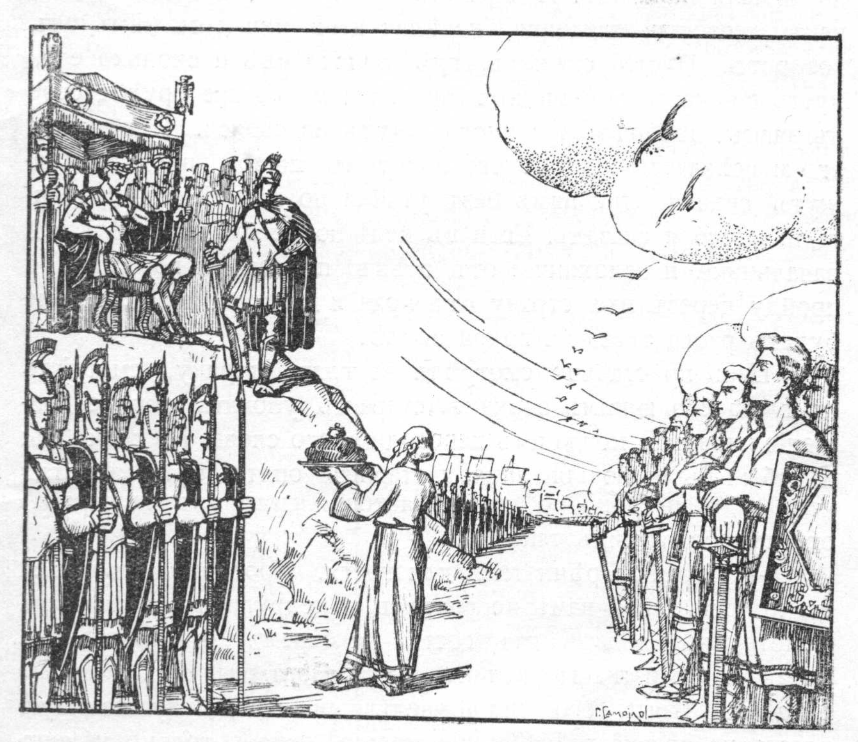
Самъ царь съ острымъ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ и старался скорѣе разгадать этихъ людей. И то казалось ему, что его обманули, что это такіе же дикіе варвары, какъ и всѣ остальные, то ему вдругъ чудилось въ этихъ людяхъ что-то особенное, ему еще незнакомое, странное, — и онъ мучительно напрягалъ свое вниманіе и свою мысль, чтобы понять, что́ же въ нихъ есть своего, особеннаго. И когда подошли они и остановились, когда старикъ обернулся и одинъ изъ юношей-воиновъ подалъ ему блюдо, а старикъ взялъ его и спокойно, не торопливо отдѣлился и вышелъ къ нему, къ Аріану и началъ что-то говорить, — царю Аріану мгновеніями казалось, что онъ начинаетъ проникать въ душу этихъ людей, но потомъ опять все мѣшалось. И не могъ царь Аріанъ отвѣтить себѣ, что́ же есть въ этихъ славянахъ особеннаго, но одно уже понялъ и почувствовалъ онъ ясно и твердо, онъ чувствовалъ по ихъ лицамъ и движеніямъ чего въ нихъ не было вовсе, и къ чему онъ такъ привыкъ за всю жизнь свою. И по разному, каждый по своему поняли и почувствовали это одновременно и военачальники римскіе, и приближенные царскіе, и стража, и воины — всѣ. Въ нихъ, въ этихъ бѣлыхъ славянахъ не было страха.

Громко, отчетливо и спокойно сказалъ что-то бѣлый старикъ и передалъ ближайшему къ нему приближенному царскому блюдо съ круглымъ хлѣбомъ на немъ. Переводчики торопливо перевели его слова, одни сначала на адаканскій языкъ, а другіе съ адаканскаго перевели затѣмъ на римскій и доложили царю, что славяне принесли ему привѣтъ отъ своей земли, что они почитаютъ его на своей землѣ гостемъ и просятъ его принять въ подарокъ, по ихъ обычаю, въ знакъ дружбы и привѣта — даръ священный земли, хлѣбъ и соль.

Эта рѣчь показалась царю странной и дерзкой, но онъ принялъ ее спокойно, какъ вступленіе и ждалъ выраженій покорности. Но переводчики ничего не могли доложить ему. „Восточныя уловки, мѣстные глупые обычаи“ — думалъ про себя царь.

— Спросите, кто ихъ князь, отъ кого они, много ли ихъ всѣхъ и скажите, что подарковъ я не принимаю. У меня всего достаточно. И еще объясните этимъ дикарямъ, что я имъ не гость, а владыка и повелитель.

Опять зашевелились, залопотали переводчики на разныхъ языкахъ, другъ друга поправляютъ, торопятъ и передали, наконецъ, славянамъ царское слово. Усмѣхнулся слегка старикъ, когда понялъ, что ему перевели, погладилъ бороду свою и отчетливо, спокойно велѣлъ передать царю, что князя у нихъ нѣтъ, что сколько ихъ — никто не сосчитаетъ, что

земля ихъ стелется на сѣверъ и на востокъ безъ края, нѣтъ у нихъ границъ, что онъ воленъ подарка не принять, только гостю такъ дѣлать непригоже.

Начали переводить, да запнулись переводчики, не рѣшаются царю передать всѣхъ словъ его. Но замѣтилъ царь Аріанъ, что не все переводятъ ему и распалился гнѣвомъ великимъ. Съ трудомъ сдержалъ себя и кратко сказалъ, что если слово единое скроютъ отъ него, то не дожить переводчикамъ всѣмъ и до вечера, — всѣхъ велитъ казнить безъ разбору. И со страхомъ великимъ, стоя передъ царемъ на колѣняхъ, дрожа всѣмъ тѣломъ своимъ, переводили перевод-

чики дерзкія рѣчи славянъ. Не хотѣлось Аріану передъ всѣми гнѣвъ свой обнаруживать, только всѣ замѣтили, какъ лицо грознаго владыки хмурилось, и брови сжимались.

— Передайте, — приказалъ онъ, — этой длинной бородѣ, что я ихъ восточное лукавство знаю давно. Пусть не мыслитъ меня обмануть. А дерзость его я прощаю и смѣюсь ей, какъ дерзости младенца, невѣдающаго, что и съ кѣмъ онъ говоритъ. Пусть скажетъ, гдѣ войско ихъ и сколько его, пусть сложатъ у подножья престола моего все оружіе свое въ знакъ покорности и пусть идутъ во свояси. Я награжу его и всѣхъ молодцовъ его золотомъ щедро, пусть разскажутъ своимъ дикарямъ безъ утайки по правдѣ все, что видѣли и чтó я сказалъ. Если въ недѣлю не будутъ здѣсь всѣ начальники и заложники отъ всѣхъ племенъ и городовъ, я пройду черезъ ихъ страну отъ края и до края, и за мною не будетъ расти трава на голой землѣ!

Царь пристально смотрѣлъ въ глаза старику, смотрѣлъ въ глаза его юнымъ воинамъ, стараясь уловить каждое движеніе лица ихъ, когда имъ переводили его слова. Но спокойны и добры были юныя лица, а старикъ опять чуть замѣтно улыбнулся и спокойно, даже ласково взглянулъ на царя. А отвѣтъ его гласилъ такъ:

— Странны рѣчи твои для гостя. Противъ воли нашей ты хочешь быть намъ не гостемъ, а недругомъ. Дѣло твое. Золота мы въ даръ отъ гостей не беремъ, отъ враговъ и подавно. Край нашъ великъ, и отъ Бога онъ данъ намъ во владѣніе. Взять его силой нельзя, и народъ чужеземную власть не признаетъ. Оружіе можно отнять только у мертваго. Хочешь — воюй, но пользы не будетъ, лучше вернись по-добру, по-здорову во свояси.

Пуще прежняго дрожатъ переводчики, рѣчи такія царю повторяя, и видѣли всѣ, какъ вспыхнулъ царь гнѣвомъ, и какъ снова смирилъ онъ себя волею сильной. Тихо и гнѣвно царь произнесъ:

— Довольно, дерзкій безумецъ. Немедленно всѣ пусть положатъ оружье и стать на колѣни! Иначе врядъ ли одинъ изъ нихъ выйдетъ отсюда!

Быстро лопочутъ свое переводчики въ страхѣ великомъ, все на языкъ адаканскій спѣшатъ перевесть, а потомъ уже въ точности передали царское грозное слово славянамъ.

Выслушалъ старецъ все также спокойно. Обернулся къ своимъ и что-то спросилъ ихъ. Спросилъ онъ, — хочетъ ли кто исполнить царскую волю — бросить оружіе и стать передъ нимъ на колѣни. Внезапно всѣ до этой поры неподвижно молчавшіе бѣлые люди вспыхнули разомъ очами, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, воскликнули громко:

— Нѣтъ, никогда! — и всѣ разомъ выхватили мечи свои, и всѣ, какъ одинъ, плотно сомкнувшись встали, готовые къ смертному бою, будь то хоть съ войскомъ несмѣтнымъ.

Ужасъ, что тутъ началось! Бросилась стража на нихъ, бросились военачальники, чтобы скорѣе оградить Аріана царя живою стѣною отъ дерзкихъ безумцевъ. Крики, звонъ мечей и удары булата, возгласы, команда и трубные звуки. Все пришло въ смятеніе великое, точно и вправду начался бой цѣлаго войска съ горстью людей окруженныхъ. Лучшіе воины стражи, воины изъ когорты безсмертныхъ рубили малую горсть храбрецовъ, и всетаки битва длилась и длилась. Въ бѣшенствѣ царь повелѣлъ прекратить эту битву смѣшную въ мгновенье. Бросился самъ Вреліанъ, чтобъ покончить ударомъ однимъ съ этой жалкою шайкой, и всетаки бой продолжался. Падали люди одинъ за другимъ, и все еще нѣсколько бѣлыхъ людей среди цѣлой внезапно выросшей груды тѣлъ раненыхъ и убитыхъ съ безумною храбростью отбивались отъ насѣдавшихъ на нихъ легіоновъ. Наконецъ, только трое осталось ихъ, но и эти трое бились такъ же безстрашно, какъ будто бы не они оборонялись, а сами они нападали на войско враговъ. И рухнули сразу трое послѣднихъ бойцовъ, покрытые множествомъ смертельныхъ ранъ, почти изрубленные на части, и сразу бой прекратился. Все это длилось не долго, и сразу вдругъ настала тишина, жуткая тишина смерти.

Блѣдный, угрюмый, весь дрожа отъ сдержанной злобы и гнѣва, сошелъ царь Аріанъ съ престола своего и подошелъ къ мѣсту побоища. Все передъ нимъ широко разступилось, и видитъ онъ — груда побитыхъ лежитъ на землѣ, кровью залита земля, и среди воиновъ римскихъ, убитыхъ и раненыхъ тяжко, изрѣдка виденъ бѣлый, кровью залитый трупъ славянина. А это что? Передъ нимъ съ тихимъ стономъ

привсталъ отъ земли самъ военачальникъ Вреліанъ, тяжелою раной сраженный. Что же это было здѣсь? Вьявь ли все приключилось, или во снѣ была эта битва и эти славяне? Но нѣтъ. Вотъ они — всѣ бѣлые съ краснымъ, неподвижные трупы славянъ, а вотъ и старикъ съ бѣлою, кровью залитою, бородою, — у него и у мертваго лицо такъ же спокойно, какъ было при жизни, — а вотъ на рукахъ унесли Вреліана, вотъ множество римлянъ сраженныхъ. И все это вопреки воли его сдѣлала горсть дикарей? Рѣзко царь Аріанъ повернулъ и ушелъ въ свой шатеръ златоверхій и тамъ заперся, никого къ себѣ не пуская.

Долго не могъ Аріанъ понять, что случилось, и почему онъ взволнованъ такъ глубоко этой битвой, вѣдь собственно маленькой, жалкой битвой ничтожной. Убыль въ войскахъ необъятныхъ его незамѣтна, что же волнуетъ его? Что это за люди — эти славяне? — вотъ что волнуетъ глубоко царя. Что ихъ взбѣсило? Развѣ не всѣ преклонялись передъ нимъ? Развѣ не стояли передъ нимъ на колѣняхъ цари и вожди, а не то что жалкіе варвары дикой страны! Развѣ предъ нимъ не склоняли оружіе цѣлыя страны? Развѣ рабами къ нему не являлись лучшіе люди отъ разныхъ народовъ и странъ? Такъ почему же эти сдѣлали иначе, — и, право, точно взбѣсились, и всѣ полегли. Полегли безполезно. Лучше имъ было бы всѣмъ покориться и вернуться къ своимъ. Онъ не хотѣлъ ихъ погибели. Онъ хотѣлъ съ почестью, съ золотомъ ихъ отпустить по домамъ, чтобы славу и мощь его они возвѣстили своимъ въ берлогахъ своихъ отдаленныхъ. А они не сложили оружія и дрались. Да, — и какъ они дрались!

Царь кликнулъ раба и послалъ узнать про здоровье Вреліана. Ему донесли, что военачальникъ безъ памяти, что рана тяжела, но что есть все же надежда на спасеніе жизни. И опять заперся царь одинъ и долго думалъ и думалъ. Уже около полночи кликнулъ онъ снова раба и велѣлъ принести себѣ пить. Онъ жадно пилъ, и это успокоило его. Потомъ онъ велѣлъ позвать къ себѣ Геліохона и Пуберія и провелъ съ ними всю ночь до утра въ непрерывной бесѣдѣ. А къ утру войскамъ былъ отданъ приказъ немедленно начать переправу на другой берегъ Дуная и возвращаться домой. Походъ противъ славянъ былъ объявленъ ненужнымъ, такъ какъ это

жалкое племя не имѣетъ ни городовъ своихъ, ни царя, ни какого богатства.

Передъ уходомъ царь повелѣлъ насыпать надъ тѣлами павшихъ бойцовъ, надъ своими и надъ этими невѣдомыми, такъ и неразгаданными, высокій курганъ. И только когда на берегу Дуная вознесся высокій, высокій курганъ, надъ сооруженіемъ котораго потрудились тысячи воиновъ, только тогда царь Аріанъ сѣлъ на корабль и двинулся обратно, вверхъ по теченію, въ Римъ, прочь отъ страны этихъ странныхъ бѣлыхъ людей, которые называютъ себя славянами и которые не могутъ или не хотятъ понять блага покорности Риму.

Старикъ кончилъ и видимо сильно утомился длиннымъ разсказомъ.

— Вотъ это онъ и есть этотъ священный курганъ...

Онъ помолчалъ, потомъ медленно всталъ и тихо, но какимъ-то совсѣмъ другимъ голосомъ, сказалъ:

— А мнѣ давно пора. Да благословитъ васъ Богъ! Прощайте! — И не посмотрѣвъ ни на кого изъ насъ, онъ началъ спускаться съ кургана и пошелъ прочь.

Я было побѣжалъ за нимъ. Я хотѣлъ поблагодарить его за разсказъ, хотѣлъ спросить его, — кто онъ самъ и откуда у него этотъ разсказъ, эта легенда. Но на полпути меня что-то остановило. Если онъ уходитъ — значитъ не хочетъ больше говорить. Зачѣмъ буду я его останавливать.

— Благодаримъ васъ! — крикнулъ я ему вдогонку еще разъ, но онъ не оглянулся. Я возвратился къ своимъ.

Мы долго еще сидѣли на курганѣ, и намъ видна была медленно удалявшаяся отъ насъ одинокая фигура незнакомца. Солнце уже низко склонялось на западѣ и освѣщало всю необъятную ширь рѣки своими косыми лучами. Было величественно и красиво. И тихо, тихо кругомъ стало. Наконецъ мы встали и пошли домой, въ полъ-голоса разговаривая между собою о старикѣ и о его разсказѣ. Я много разъ еще оглядывался, пока высокій курганъ не скрылся изъ виду.

Уже много лѣтъ потомъ, вспоминая эту странную встрѣчу и этотъ разсказъ незнакомца, старался я добиться, — откуда могъ онъ взять свою легенду, свое сказаніе. Но я нигдѣ не могъ найти и слѣда. Я былъ глубоко увѣренъ въ

томъ, что сказаніе это разсказчикомъ не было придумано самимъ. Онъ видимо хорошо зналъ какую-то, вѣроятно записанную, а можетъ быть и напечатанную, легенду, и написанную вѣроятно очень хорошо, размѣромъ или даже стихами.

Помню, что еще тогда же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разсказа, мы общими силами записали его и долго разбирали. Ника даже добылъ изъ чемодана своего учебникъ древней исторіи и увѣрялъ насъ, что Адаканское царство — это искалѣченное названіе царства Даковъ, уничтоженное императоромъ Траяномъ въ началѣ II вѣка по Р. Хр.; что царь Аріанъ — это не то Траянъ, не то Адріанъ; что военачальникъ Вреліанъ — это искаженное имя Авреліана — знаменитаго полководца императора Клавдія. И еще много, что разъяснялъ намъ Ника, чего я сейчасъ и не припомню.

Я обращался ко многимъ свѣдующимъ людямъ за объясненіемъ, а потомъ, въ университетское время, не разъ и самъ принимался искать источники этой легенды, но ничего близкаго къ ней не находилъ. Ближе всего къ ней по содержанію стоитъ знаменитое Майковское стихотвореніе „Никогда!“, съ которымъ легенда незнакомца имѣла много сходнаго, точно они обѣ были по разному списаны съ одного и того же общаго источника. Но какого? И не найдя его я рѣшилъ передать всю эту встрѣчу такъ, какъ она сохранилась въ моей памяти. А это было всетаки давно, когда братъ мой ожидалъ переэкзаменовки по алгебрѣ, а я былъ гордъ и счастливъ благополучнымъ переходомъ въ четвертый, — въ четвертый! — классъ гимназіи.

СОБЛАЗНЪ.

Утромъ въ обычное время Митя Хмѣлевъ подходилъ къ углу Канатной улицы и остановился посмотрѣть, не видно ли Бориса.

— Ну такъ и есть! Вотъ онъ Борька! — воскликнулъ онъ, увидѣвъ вдали своего прiятеля и соклассника Бориса Вахромѣева.

Тотъ торопился, а замѣтивъ Митю, побѣжалъ къ нему, едва удерживая въ рукахъ ранецъ, атласъ, линейку и еще какой-то свертокъ въ бумагѣ. Почти каждое утро мальчики встрѣчались на этомъ углу и уже вмѣстѣ шли въ школу.

— Опоздали, Митька! — сказалъ Вахромѣевъ, подбѣгая.

Онъ всегда торопился, всегда суетился и постоянно опаздывалъ.

У мальчиковъ все было уже давно высчитано. Если они успѣютъ дойти до Якорной площади, откуда уже видна на горѣ вывѣска школы, когда на большихъ часахъ часовщика еврея Зильберштейна будетъ не больше восьми часовъ восемнадцати минутъ, — то еще можно поспѣть до звонка, хотя и не безъ

труда. Поэтому до Зильберштейна мальчики всегда летѣли въ страхѣ и сомнѣніи, а отъ Зильберштейна — шли уже „смотря по тому“.

На этотъ разъ часы еврея показывали всего восемь часовъ пятнадцать минутъ.

— Поспѣемъ! — радостно воскликнули мальчики въ одинъ голосъ.

Вонъ оно, училище, отсюда хорошо видно! И надпись на стѣнѣ училища блеститъ подъ утреннимъ солнцемъ. Отсюда еще далеко, буквъ разобрать нельзя, но Митя наизусть читаетъ ее и каждое утро произноситъ на этомъ мѣстѣ, точно онъ съ трудомъ разбираетъ далекую надпись.

— „Четырехклассное коммерческое училище имени Никиты Жаркова“.

— А какъ ты думаешь, — спросилъ Боря, — что нѣмецъ — придетъ сегодня?

— Богъ его знаетъ! Человѣкъ коварный. Вчера въ третьемъ классѣ его не было. Авось не придетъ сегодня!

— Вотъ бы хорошо! Тогда мы послѣ четвертаго урока могли бы удрать и прямо на лодку, да на другой берегъ! Хорошо!

— Да, недурно бы! — соглашался Митя.

Оказалось, что учителя нѣмецкаго языка дѣйствительно сегодня не будетъ. Возликовали! Строили смѣлые планы погулять и покататься на весеннемъ просторѣ рѣки. Но радость продолжалась не долго. Отъ директора пришло распоряженіе: „Четвертому классу послѣ четвертаго урока не расходиться. Вмѣсто нѣмецкаго урока будетъ урокъ русскаго языка“.

— Вотъ тебѣ на!

— Вотъ тебѣ лодка! — воскликнули мальчики.

— А русскаго сегодня и по расписанію то нѣтъ совсѣмъ! — жаловался Лошкаревъ.

Весь выпускной, четвертый классъ былъ очень опечаленъ. Но неудовольствіе класса смѣнилось удивленіемъ, когда Петръ Михайловичъ зашелъ предупредить классъ, чтобы приготовились къ письменной работѣ.

— Вотъ это ужъ совсѣмъ дрянь дѣло! — восклицалъ второгодникъ Пермяковъ.

— Письменная по русскому! Благодарю васъ за пріятный сюрпризъ! — сердился Зензиловъ.

Но общее удивленіе и неудовольствіе учениковъ смѣнилось еще большимъ удивленіемъ, почти страхомъ, когда выяснилось, что на письменную работу по русскому языку придетъ директоръ и еще какіе-то гости, и что работу будутъ писать, какъ на экзаменѣ — каждый ученикъ на отдѣльной партѣ. Школьныхъ партъ въ классѣ не хватило, принесли парты изъ третьяго класса. Сразу стало какъ то необычно, торжественно. Тетради велѣно было убрать. Каждому дали по два листа бумаги. Разсадили по одиночкѣ, и когда все было готово, — въ классъ пришелъ директоръ и двѣ молодыя барышни. Это было совсѣмъ необыкновенно.

— А говорили, что инспекторъ изъ Москвы! — ворчалъ про себя Хмѣлевъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на дѣвицъ.

Одну изъ нихъ, старшую, ученики знали очень хорошо. Это была Вѣра Жаркова, дочь богатѣйшаго фабриканта, на счетъ котораго содержалось училище. Она была какъ бы на положеніи попечительницы училища, часто бывала въ немъ, устраивала библіотеку, чтенія съ фонаремъ, празднества. Ее очень любили, и всѣ, какъ учителя такъ и ученики, знали, что только благодаря Вѣрѣ отецъ ея, не жалѣя, щедро даетъ деньги на всякія нужды училища, имъ же построеннаго въ память дѣда, основателя фирмы и богатства Жарковыхъ.

Вѣру Жаркову, конечно, всѣ знали. А вотъ вторая, младшая дѣвица была никому въ училищѣ невѣдома. Судя по тому, что она разговаривала только съ Вѣрою и только на какомъ-то ни кому не понятномъ языкѣ, рѣшили, что она иностранка. Одѣта она была очень богато, директоръ и учитель относились къ ней съ какимъ-то едва скрываемымъ подобострастіемъ. Все это увеличивало волненіе учениковъ.

— Какая нибудь принцесса заморская! — думалъ про себя Хмѣлевъ и робѣлъ все больше, самъ не понимая почему.

Догадка Хмѣлева была близка къ дѣйствительности. Необычайное появленіе этой дѣвицы въ училищѣ объснялось вотъ чѣмъ.

Въ прошломъ году Жарковъ съ женою, дочерью Вѣрою и сыномъ студентомъ ѣздилъ въ Америку и тамъ познако-

мился съ многими видными американскими комерсантами и фабрикантами. Одинъ изъ нихъ — миллiардеръ Макъ Стейтонъ особенно любезно принималъ его у себя со всѣмъ его семействомъ, и Жарковы, прекрасно владѣющiе англiйскимъ языкомъ, даже сблизились съ ними. Уѣзжая они пригласили семейство Стейтоновъ къ себѣ въ Россiю и обѣщали познакомить ихъ съ Волгою, съ Россiею, о которой даже у самыхъ образованныхъ американцевъ были всетаки лишь туманныя и довольно превратныя представленiя. Въ этомъ году Стейтону нужно было по дѣламъ быть въ Лондонѣ и въ Парижѣ, и онъ предложилъ женѣ и дочери сдѣлать прогулку по Европѣ и заѣхать въ Россiю. Поѣздка показалась оригинальною, и они поѣхали. Самъ Стейтонъ былъ дѣлами задержанъ въ Парижѣ, и мистриссъ Стейтонъ съ дочерью однѣ, въ сопровожденiи личнаго секретаря и цѣлаго штата прислуги, но все же по ихъ мнѣнiю „налегкѣ", прoѣхали въ Москву, гдѣ ихъ встрѣтилъ Жарковъ и привезъ къ себѣ въ свой домъ-дворецъ на Волгѣ.

Жарковъ хотѣлъ щегольнуть русскимъ гостепрiимствомъ во всю и не жалѣлъ никакихъ расходовъ, чтобы обставить своихъ гостей, съ дѣтства привыкшихъ къ баснословной роскоши, по возможности роскошно и въ Россiи. Прiѣхавшимъ было отведено восемь богато обставленныхъ комнатъ, въ ихъ распоряженiе было предоставлено два автомобиля и специальный пароходъ для прогулокъ по Волгѣ. На пароходѣ былъ оркестръ музыки, обширный штатъ прислуги и всевозможныя удобства. Провизiя, фрукты, вино, цвѣты, конфеты ежедневно привозились нарочными отъ лучшихъ московскихъ фирмъ.

Американкамъ все очень нравилось, онѣ всѣмъ были довольны, удивлялись русскимъ порядкамъ, восторгались Волгою и старинными церквами, посѣщали православные монастыри, спускались внизъ по Волгѣ до Самары, около двухъ дней провели въ Жегулевскихъ горахъ, которыя имъ особенно понравились, катались на лодкахъ. Американки уже собирались черезъ два дня уѣзжать, когда мистриссъ Стейтонъ какъ-то утромъ обратилась къ Жаркову:

— Послушайте, мистеръ Жарковъ. Я понимаю, что я съ дочерью — мы ваши гости. Но вѣдь кромѣ насъ тутъ еще

мой секретарь, камердинеръ, горничныя. За все, что стоило ихъ содержанiе, я желаю заплатить.

— Что вы! — воскликнулъ Жарковъ — Что вы! Объ этомъ и рѣчи не можетъ быть.

— Нѣтъ! — возразила американка. — Вы знаете — мы, американцы, люди дѣла и счета. Дружба дружбой, а деньги деньгами.

— Простите, любезнѣйшая мистриссъ Стейтонъ. Когда мы прiѣзжали къ вамъ въ вашу прекрасную Америку, мы не нарушали вашихъ правилъ и порядковъ, а примѣнялись къ нимъ. Здѣсь — вы у насъ въ Россiи, и я очень просилъ бы васъ не нарушать нашихъ русскихъ обычаевъ. У насъ гости ни въ какихъ расходахъ не участвуютъ.

— Фу, какiя у васъ странныя порядки въ вашей Россiи! Но тогда я хочу пожертвованiе сдѣлать. На что у васъ жертвуютъ? На монастыри?

— Можно и на монастыри. Только право этого совсѣмъ не нужно!

— А есть у васъ учебныя заведенiя? — спросила миссъ Дженни.

— О, конечно есть! Развѣ Вѣра вамъ не разсказала еще хотя бы про наше училище, вѣрнѣе — про ея училище?

— Ахъ да! Говорила, помню.

-- Вотъ и прекрасно! — сразу рѣшила мистриссъ Стейтонъ. — Дженни, переговори, мой другъ, съ твоей милой подругой и сдѣлай какое нибудь пожертвованiе въ пользу училища. Миссъ Вѣра навѣрное будетъ сговорчивѣе этого неумолимаго мистера Жаркова.

Вопросъ перешелъ на рѣшенiе Вѣры и молоденькой миссъ Дженни, дѣвушки лѣтъ шестнадцати. Онѣ сейчасъ же приступили къ обсужденiю его. Узнавъ, что въ училищѣ имѣется и библiотека и различныя учебныя пособiя, миссъ Дженни рѣшила выдѣлить кого либо изъ учениковъ.

— Я хочу выдѣлить самаго способнаго. Кто у васъ самый способный въ училищѣ? Самый талантливый?

— Это трудно опредѣлить, — отвѣчала Вѣра. — Вѣдь у насъ всего четыре класса. Они кончаютъ наше училище въ 14—15 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ еще трудно рѣшить, кто изъ нихъ способнѣе.

— А могутъ ваши ученики поступать въ Университетъ?

— Могутъ, конечно, но это имъ очень не легко. Они должны раньше поступить въ пятый классъ гимназіи, въ гимназіи учиться еще четыре года и потомъ уже въ Университетъ.

— Такъ вотъ я предлагаю такъ: — мы внесемъ сколько нужно за полное содержаніе самаго способнаго изъ вашихъ школьниковъ до поступленія его въ Университетъ. Сколько стоитъ содержаніе пансіонера въ хорошемъ пансіонѣ?

— Не знаю въ точности. Есть разные пансіоны.

Миссъ Дженни сейчасъ же послала за секретаремъ матери и поручила ему немедленно телеграммами запросить лучшіе пансіоны Москвы и Петербурга.

— Слушаюсь! — отвѣчалъ тотъ спокойно.

Черезъ часъ полетѣли телеграммы съ оплаченнымъ отвѣтомъ въ рядъ московскихъ и петербургскихъ пансіоновъ при гимназіяхъ, и къ вечеру поступили отвѣты о цѣнахъ и условіяхъ.

А тѣмъ временемъ дѣвушки искали способъ выдѣлить самаго способнаго ученика. Наконецъ рѣшили такъ: — задать выпускному классу сочиненіе по русскому языку. Прочесть классу довольно сложный разсказъ съ тѣмъ, чтобы ученики написали его изложеніе. Чтобы всѣмъ было одинаково трудно, рѣшили сами выбрать изъ американской книги миссъ Дженни разсказъ, перевести его и завтра же предложить его ученикамъ. Вѣра сама перевела разсказъ и просидѣла надъ нимъ весь вечеръ и часть ночи.

Стейтоны рѣшили внести въ училище сумму денегъ, которая предназначалась на стипендію, т. е. на полное содержаніе одного ученика въ гимназіи до поступленія его въ Университетъ и на выдачу ему по 1200 рублей въ годъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ прохожденія курса въ Университетѣ. Все это съ округленіемъ составило 10.000 рублей. А на поиски наиболѣе способнаго дѣвицы положили сами на слѣдующее же утро отправиться въ училище Жарковыхъ. Конечно, Вѣра предупредила директора объ ихъ намѣреніяхъ.

И директоръ училища, толстый Максимъ Ивановичъ, и учитель русскаго языка — длинноволосый Петръ Михайловичъ Поповъ, пробовали было замѣтить, что такой способъ

обнаружить самаго способнаго не совсѣмъ удаченъ, но молодыя дѣвушки остались непреклонными. Рѣшено было пока ученикамъ ничего не объявлять, а просто задать имъ работу.

— Сейчасъ госпожа Вѣра Кирилловна Жаркова прочтетъ вамъ разсказъ, — какъ-то торжественно началъ Максимъ Ивановичъ, обращаясь къ классу. — Прослушайте его внимательно и потомъ напишите, не торопясь, какъ можно лучше, его содержанiе. Разсказъ довольно большой, но вѣдь и вы уже не маленькiе. Постарайтесь написать, какъ можно лучше.

Гробовая тишина стояла въ классѣ. Все это было странно, необычно, а потому замѣтно волновало учениковъ.

Вѣра, ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, не громко, но отчетливо, прочла по своей тетради дѣйствительно большой разсказъ изъ жизни американскихъ школьниковъ въ штатѣ Колорадо. Тутъ былъ и негръ разбойникъ, и добродѣтельный мальчикъ Джимми, спасающiй изъ воды сына богатаго фермера, и бѣгство по желѣзной дорогѣ, и пожаръ парохода, и много другихъ ужасныхъ приключенiй, благополучно оканчивающихся, благодаря мужеству, спокойствiю и твердости честнаго Джимми. Въ общемъ разсказъ былъ интересный, ученики съ вниманiемъ слѣдили за нимъ. Но когда кончилось чтенiе, они съ недоумѣнiемъ смотрѣли одинъ на другого и и всѣ на Петра Михайловича. Какъ это все изложить! Ужъ очень длинно, очень запутанно.

Петръ Михайловичъ понималъ настроенiе своихъ учениковъ и хотѣлъ притти имъ на помощь.

— Не признаете ли вы, Вѣра Кирилловна, возможнымъ прочесть имъ этотъ разсказъ еще разъ, — попросилъ онъ.

— Да, длинненокъ, — поддержалъ и Максимъ Ивановичъ.

Вѣра перевела просьбу учителя американкѣ, но та нашла, что такiе большiе мальчики могутъ написать и такъ, и что тѣмъ легче будетъ найти самаго способнаго.

Во второмъ чтенiи было отказано, и мальчики приступили къ писанiю. Трудно писалось. На нѣкоторыхъ напалъ страхъ. Они ясно чувствовали, что никогда имъ не справиться съ этимъ американскимъ разсказомъ.

Совсѣмъ въ особомъ состоянiи, въ особомъ душевномъ волненiи находился Митя Хмѣлевъ. Напуганный торжествен-

ной обстановкой онъ со страхомъ сталъ слушать чтеніе, но почти съ первыхъ же словъ пришелъ въ радостное волненіе. И чѣмъ дальше читала Вѣра Кирилловна, тѣмъ болѣе убѣждался онъ въ томъ, что она читаетъ тотъ самый разсказъ, который онъ, не далѣе какъ вчера, читалъ въ послѣднемъ номерѣ журнала „Маякъ". И даже не разъ прочелъ онъ его. Онъ прочелъ разсказъ днемъ, а за вечернимъ чаемъ сталъ разсказывать его родителямъ и братьямъ, запутался въ именахъ, и кончилось тѣмъ, что отецъ взялъ журналъ и тутъ же за чайнымъ столомъ вслухъ прочелъ весь разсказъ. Теперь Митя отлично разбирался въ этомъ разсказѣ.

— Вотъ ловко! — радовался онъ. — Вотъ дьявольски подвезло мнѣ! — И онъ писалъ легко, скоро, свободно, несомнѣваясь ни въ именахъ, ни въ послѣдовательности событій.

Митя рѣшилъ ни кому не говорить, что онъ зналъ этотъ разсказъ.

— Пускай Авессаломъ (такъ прозвали ученики учителя Попова за его длинные, растрепанные волосы) лопнетъ отъ удивленія! Да и эта красавица пусть знаетъ нашихъ! Какъ мы можемъ написать! Не надо намъ, барышня, вашего второго чтенія. Обойдемся и такъ! — И Митя писалъ и писалъ съ радостнымъ подъемомъ человѣка, которому трудная работа легко и успѣшно дается.

Долго писали мальчики. Многіе тщетно грызли перья, стараясь припомнить подвиги Джимми во время пожара, или фамилію фермера, или городъ, куда бѣжалъ негръ.

— Пишите спокойно, — сказалъ директоръ. — Вы можете писать два часа, начиная отъ прочтенія вамъ разсказа. Такимъ образомъ вамъ остается еще 55 минутъ.

И опять тишина. Только слышны тихіе шаги Петра Михайловича, который медленно ходилъ между рядами, и изрѣдка барышни переговаривались въ полголоса по англійски. Лучшіе ученики класса — Сонинъ, Мамоновъ и Любимовъ усердно писали, напрягая всѣ силы свои, чтобы не оскандалиться. Слабые ученики, какъ Зензиловъ и Гавриловъ, написавъ кое что изъ начала разсказа, безпомощно сидѣли, успокоившись на томъ, что изъ писанія ихъ все равно ничего не выйдетъ и что — не миновать кола!

Ровно черезъ два часа послѣ начала Максимъ Ивановичъ объявилъ:

— Пора кончать! Положите перья! Дежурный, — соберите работы! — и, не давъ никому ни минуты срока докончить и еще просмотрѣть своей работы, директоръ взялъ изъ рукъ дежурнаго пачку ученическихъ работъ и съ вѣжливымъ поклономъ передалъ ихъ Вѣрѣ Кирилловнѣ.

— Вотъ, — сказалъ онъ, любезно улыбаясь, — благоволите получить наши труды и выберите лучшую работу.

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣтила Вѣра Кирилловна, — пусть Петръ Михайловичъ возьметъ работы.

И, обращаясь къ учителю, она добавила:

— Петръ Михайловичъ, возьмите пожалуйста работы и поѣдемте къ намъ. Мы сейчасъ же вмѣстѣ провѣримъ ихъ.

Петръ Михайловичъ густо покраснѣлъ, провелъ всей пятерней по своимъ давно не стриженымъ волосамъ и съ какою-то излишнею поспѣшностью бросился взять работы.

— Дженни, хотите прослушать русскую молитву? — спросила Вѣра американку.

— О, да! — отвѣтила та и встала.

Пропѣли общую молитву, и дѣвицы въ сопровожденіи директора и все еще сильно смущеннаго Петра Михайловича вышли изъ класса. Ученики остались одни и сейчасъ же живо заговорили.

— Ну, баня! — громко воскликнулъ Вахромѣевъ.

— Какъ пить дать на пару написалъ! — увѣренно заявилъ Пермяковъ.

— Ну, какъ ты, Сонинъ? Написалъ? Успѣлъ кончить?

— Написалъ до конца, только не того... Не очень это у меня вышло, — отвѣчалъ Сонинъ.

Сейчасъ же выяснили, что до конца весь разсказъ написали только шестеро изъ двадцати одного, а именно: Сонинъ, Хмѣлевъ, Любимовъ, Мамоновъ, Муравлинъ и Лошкаревъ.

Живо, взволнованно обсуждая происшедшее, ученики стали расходиться. Митя былъ очень доволенъ. Онъ написалъ все и, какъ ему казалось, хорошо. Онъ никому не открылъ своей тайны и на вопросы товарищей отвѣчалъ кратко:

— Ничего! Написалъ до конца. Длинная чертовщина!

На огромномъ автомобилѣ Жарковыхъ вмѣстѣ съ нарядными дѣвицами проѣхалъ сильно смущенный Петръ Михайловичъ по улицамъ города и черезъ десять минутъ былъ въ

роскошномъ особнякѣ Жарковыхъ. Сейчасъ же приступили къ чтенію работъ. Безъ труда выяснили, что большинство работъ написано плохо. Хорошо написаны только три работы — Сонина, Любимова и Хмѣлева. Но изъ этихъ трехъ безспорно и несравненно лучше всѣхъ написана работа Хмѣлева. Вѣра перевела результаты испытанія американкѣ и сейчасъ же присудили стипендію Стейтоновъ Димитрію Хмѣлеву.

На другое утро, когда ученики пришли въ училище, ихъ собрали всѣхъ вмѣстѣ въ залѣ. Пришли всѣ преподаватели, законоучитель. При возможно торжественной обстановкѣ директоръ обратился къ собравшимся ученикамъ, а ихъ было около ста, съ рѣчью.

— Я долженъ объявить вамъ о радостномъ въ жизни нашего училища событіи. Посѣтившая наше училище юная представительница благородной американской націи глубокоуважаемая госпожа Дженни Стейтонъ пожелала сдѣлать училищу цѣнный вкладъ, а именно внесла на имя училища 10.000 рублей съ тѣмъ, чтобы деньги эти были съ теченіемъ времени израсходованы на воспитаніе и образованіе способнѣйшаго и достойнѣйшаго изъ учащихся, чтобы на эти средства содержался на всемъ готовомъ одинъ ученикъ нашей школы въ любомъ городѣ до окончанія имъ гимназіи, а затѣмъ, чтобы онъ получалъ по 1200 рублей въ годъ во время обученія его въ Университетѣ. Считаю долгомъ добавить, что и это щедрое пожертвованіе поступило въ наше училище благодаря попечительному содѣйствію добраго генія и покровителя нашего училища — Вѣрѣ Кирилловнѣ Жарковой. Позвольте же мнѣ отъ имени всѣхъ васъ, господа преподаватели, и васъ, мои милые ученики, принести госпожѣ Стейтонъ нашу глубокую, сердечную благодарность за ея истинно американскій, королевски щедрый даръ. Въ честь госпожи Стейтонъ и Вѣры Кирилловны Жарковой — ура!

— Ура! Ура! Ура! — закричали всѣ ученики, всегда готовые покричать на законномъ основаніи.

Когда собравшіеся умолкли, директоръ продолжалъ:

— Нашей благородной жертвовательницѣ самой угодно было указать способъ выясненія наиболѣе даровитаго изъ учениковъ, оканчивающихъ въ этомъ году наше училище. Вчера было произведено испытаніе, и вотъ результаты его.

Петръ Михайловичъ, — обратился онъ къ Попову, — будьте добры объявить результаты провѣрки работъ учениковъ четвертаго класса.

Петръ Михайловичъ, на этотъ разъ основательно подстриженный, вышелъ и по написанной заранѣе бумагѣ прочелъ, что изъ двадцати одного провѣреннаго сочиненія учениковъ четвертаго класса лучшими оказались работы трехъ учениковъ: — Любимова Николая, Сонина Андрея и Хмѣлева Димитрія. Изъ этихъ трехъ за безспорно лучшую признана работа Хмѣлева.

— Такимъ образомъ, — снова началъ директоръ, — стипендія имени госпожи Дженни Стейтонъ присуждается ученику четвертаго класса Димитрію Хмѣлеву. Хмѣлевъ — выйди сюда!

Услышавъ свою фамилію, приглашеніе директора, но еще очень плохо понимая что случилось и что на него свалилось, Хмѣлевъ робко вышелъ впередъ и смущенно остановился передъ директоромъ.

— Поздравляю тебя, Хмѣлевъ! Радуюсь за тебя и за твоихъ родителей. Теперь твоя будущность опредѣлена и обезпечена. Ты можешь теперь спокойно учиться и въ гимназіи и въ Университетѣ. Учись же прилежно. Будь достоенъ выпавшаго на твою долю счастья. Когда выйдешь въ люди, ты, можетъ быть, достигнешь извѣстности, будешь знаменитостью и прославишь наше училище. Мы всѣ надѣемся, что ты никогда и нигдѣ не посрамишь нашего дорогого Коммерческаго Училища. Ура Хмѣлеву!

— Ура! Ура! — снова и на этотъ разъ еще громче закричали ученики.

Митя Хмѣлевъ не ясно понималъ, что съ нимъ творится. Его привѣтствовали, его поздравляли. Какая-то стипендія, 10.000 рублей, откуда, почему, за что? Получить пятерку за сочиненіе по русскому — на это онъ расчитывалъ и заранѣе этому радовался. Но какіе-то 10.000 рублей, — онъ не зналъ, радоваться ли имъ или нѣтъ. Объ этомъ онъ еще ничего не думалъ. На это онъ вовсе не расчитывалъ.

— Ну молодецъ ты, Хмѣлевъ! — говорилъ ему Петръ Михайловичъ. — Хорошо написалъ! И не ожидалъ я, по правдѣ сказать, что ты лучше всѣхъ напишешь.

Учитель былъ очень удивленъ успѣхомъ Хмѣлева. Хмѣлевъ былъ ученикомъ хорошимъ, но далеко не лучшимъ, и никто изъ преподавателей не считалъ его особенно даровитымъ. Петръ Михайловичъ гораздо больше надѣялся на своихъ лучшихъ учениковъ. И даже не на Сонина, который все время шелъ первымъ ученикомъ, а на Мамонова и въ особенности на Любимова, мальчика очень способнаго и всегда лучше всѣхъ въ классѣ писавшаго работы по русскому языку. Любимовъ въ классѣ считался четвертымъ ученикомъ. Онъ значительно уступалъ другимъ, особенно Сонину, въ прилежанiи, но многiе преподаватели открыто выражали сожалѣнiе, что счастье выпало не на долю трудолюбиваго Сонина или даровитаго Любимова.

Товарищи любили Хмѣлева и радовались за него. Только Сонинъ одинъ явно завидовалъ Хмѣлеву и не подошелъ къ нему поздравить его. Любимовъ же былъ огорченъ, что именно на этотъ разъ онъ написалъ хуже другихъ, и что награда досталась не ему, но зависти въ немъ не было. Онъ весело подошелъ къ побѣдителю и, ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Каналья ты! Обскакалъ насъ всѣхъ! Побилъ бы тебя за это, да на радостяхъ драться не хочется. Поздравляю!

Хмѣлевъ на поздравленiя отвѣчалъ, какъ въ полуснѣ и не всегда впопадъ. Это всѣмъ казалось вполнѣ естественнымъ. На радостяхъ можно голову потерять. Хмѣлеву не давали опомниться. Директоръ приказалъ ему сейчасъ же отправиться домой и къ двѣнадцати часамъ явиться обратно, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ Жарковымъ благодарить Стейтоновъ. Митю посылали домой сообщить радостное извѣстiе родителямъ и переодѣться въ болѣе нарядное платье. Митя, какъ въ угарѣ, выскочилъ изъ училища и побѣжалъ домой.

Только очутившись на улицѣ, одинъ, дорогою сталъ онъ обдумывать, что съ нимъ случилось.

— Господи! Какъ обрадуются дома!

Митя вспомнилъ, что отецъ столько разъ мечталъ выиграть 5000 въ лотерею. А тутъ вдругъ онъ, Митя, получилъ 10.000. Тоже, какъ въ лотерею. Совершенно неожиданно. И тутъ вдругъ Митю осѣнила мысль, что это нечестно!

— Вѣдь я одинъ только зналъ этотъ разсказъ! Вѣдь я зналъ, а они не знали!

Митя даже остановился и хотѣлъ было бѣжать назадъ въ училище. Зачѣмъ? Сказать Петру Михайловичу. Надо ли сказать? Конечно надо! А можетъ быть нѣтъ? Зачѣмъ говорить? Митя постоялъ въ нерѣшительности и побѣжалъ домой.

Дома онъ никого изъ своихъ не засталъ. Отецъ былъ на службѣ, мать ушла въ городъ и на базаръ, сестра была въ школѣ, братья на своихъ занятіяхъ. Митя не безъ труда разыскалъ свое воскресное платье, новые сапоги, переодѣлся и рѣшилъ забѣжать къ отцу на службу.

— Вѣдь сказано, — думалъ Митя дорогою, — сказано: тому, кто лучше всѣхъ напишетъ. Если бы Любимовъ, Мамоновъ или Муравлинъ прочли этотъ разсказъ еще два раза, — развѣ они такъ бы написали! Да и Сонинъ, хоть онъ и зубрила, балда. Не честно, не честно! Не по товарищески.

Митю мучило что-то, какое-то непріятное ощущеніе нечестнаго поступка.

— Получить пятерку у Авессалома — это одно. А тутъ? Дѣло то какое — 10.000 рублей! Это не тоже самое. Надо было писать на равныхъ основаніяхъ! Что-то скажетъ отецъ?

Отецъ Мити былъ бухгалтеромъ въ частномъ банкѣ. Это былъ скромный, работящій, честный человѣкъ. Митя любилъ своего отца, но большой близости между ними не было.

— Надо пойти къ Максиму Ивановичу и отказаться отъ этихъ денегъ. Надо сказать, что я зналъ разсказъ. Все равно, что списалъ. Точно я укралъ эти деньги, чортъ ихъ побери совсѣмъ! А что, если отецъ велитъ взять деньги, велитъ молчать? Что тогда? Ужасно! Нѣтъ, нѣтъ — ни за что! Это нечестно! И никогда папа не велитъ промолчать! А вдругъ велитъ молчать? Вѣдь деньги такъ нужны дома?

Подходя къ банку Митя невольно замедлилъ шаги. Онъ готовъ былъ вернуться, но пересилилъ себя и вошелъ. У знакомаго сторожа онъ спросилъ про отца. Сторожъ сказалъ ему, что отецъ только что съ бумагами прошелъ въ кабинетъ директора банка.

— Подождите, папенька вѣрно скоро выйдутъ.

Митя точно обрадовался, что отецъ занятъ, и заторопился уходить.

— Нѣтъ, я не могу ждать! Я очень тороплюсь. Забѣгу, можетъ быть, потомъ.

— Можетъ передать что? — справился сторожъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ничего не говорите. Я постараюсь забѣжать, — и Митя бѣгомъ выбрался изъ банка.

У него сложилось твердое рѣшеніе — пойти и прямо объявить и Петру Михайловичу и Максиму Ивановичу, что онъ разсказъ зналъ, что награда присуждена ему несправедливо. Хорошо ли онъ сдѣлаетъ, если откажется отъ денегъ — это ему еще было не ясно. Но что молчать — нечестно, въ этомъ сомнѣнія не было.

Какъ буря влетѣлъ Митя обратно въ училище. Встрѣчные всѣ поздравляли его, какъ именинника. Онъ отбивался отъ всѣхъ и отправился прямо въ учительскую. Преподаватели были на урокахъ. Въ учительской были только директоръ и географъ. Играли въ шахматы. Увидя Хмѣлева директоръ сказалъ ему, весело улыбаясь:

— Ну, будущій министръ, подожди немного. Еще рано. Поѣдемъ въ двѣнадцать. Пока ступай въ классъ.

Митя подошелъ къ нему и прямо разсказалъ ему свое дѣло. Все, какъ было. Съ вниманіемъ и съ возрастающимъ удивленіемъ слушалъ его директоръ.

— Да ты, умная голова, понимаешь ли, отъ чего ты отказываешься? Вѣдь это пахнетъ десятью тысячами! Смотри — не пожалѣть бы потомъ! — и онъ пристально посмотрѣлъ на Митю.

— Но вѣдь нечестно! — прошепталъ Митя.

Напряженіе его достигло высшей степени, и онъ заплакалъ, не зная самъ почему. Было и жалко разстаться, было и стыдно, было и чувство какого-то наступившаго облегченія.

— Ну, ты у меня, Хмѣлевъ, парень хорошій! — сказалъ директоръ. — Это ты правильно рѣшилъ: не по товарищески, нечестно! Но не всякій такъ бы поступилъ на твоемъ мѣстѣ. Дай я тебя обниму! — и расчувствовавшійся Максимъ Ивановичъ нѣжно и отечески обнялъ Митю, и у обоихъ были слезы на глазахъ.

Въ 12 часовъ директоръ, вдвоемъ съ Петромъ Михайловичемъ, отправился къ Жарковымъ. Онъ не безъ гордости объявилъ Вѣрѣ Кирилловнѣ о случившемся недоразумѣніи и о поступившемъ заявленіи Хмѣлева.

— Какой славный мальчикъ! — воскликнула американка, когда ей перевели сообщеніе директора.

Долго и живо обсуждали этотъ случай. Наконецъ, рѣшили сегодня же сдѣлать второе испытаніе, допустивъ на него пятерыхъ лучшихъ учениковъ, т. е. Сонина, Мамонова, Муравлина, Любимова и Хмѣлева. Наскоро выбрали тему. На этотъ разъ взяли русскую. Всѣ пятеро писали работу опять два часа въ присутствіи директора и Петра Михайловича. Петръ Михайловичъ свезъ работы къ Жарковымъ и провѣрилъ ихъ вмѣстѣ съ Вѣрою Кирилловною. Оказалось, что работы были написаны всѣ не плохо, но на этотъ разъ работа Любимова, безъ сомнѣнія, была лучше всѣхъ. Работа Хмѣлева была оцѣнена, какъ четвертая по качеству.

Снова были собраны на другой день всѣ ученики, и директоръ снова сказалъ рѣчь. На этотъ разъ болѣе простую, но какъ-то зато болѣе искреннюю. Кончилъ онъ свою рѣчь словами:

— Я горжусь, что въ нашемъ училищѣ есть такіе способные ученики, какъ Любимовъ. Но не меньше горжусь я тѣмъ, что въ ней есть такіе товарищи и честные ученики, какъ Хмѣлевъ. Ура Любимову! Ура Хмѣлеву!

Долго кричала товарищи, поздравляли сіяющаго Любимова, хвалили Хмѣлева, и у всѣхъ было радостно на душѣ. Даже и Сонину стало какъ-то неловко сердиться на Любимова. Его всѣ въ классѣ дружно признавали за самаго способнаго.

Не безъ волненія возвращался Митя домой послѣ своего разговора съ директоромъ и послѣ окончанія второго испытанія. Онъ ясно чувствовалъ, что на этотъ разъ написалъ работу такъ себѣ.

— Другіе вѣрно лучше написали! Пропала моя лотерея! Плакали мои 10.000! — полушутя, полуогорченно говорилъ онъ себѣ. А на душѣ было свѣтло и радостно.

— Эхъ! Пожалуй отецъ не похвалитъ! — думалъ онъ. Охъ, какъ бы онъ обрадовался этимъ десяти тысячамъ! А теперь? Скажетъ — отчего не подумалъ о семьѣ!

Было жаль отца, жаль, что не сможетъ такъ порадовать его. Жаль матери, — она тоже была бы такъ счастлива. Жаль было и этихъ десяти тысячъ рублей, которые сразу выдѣляли его изъ всѣхъ членовъ семьи и изъ ряда всѣхъ товарищей. Но на душѣ была спокойная радость и сознаніе, что онъ поступилъ правильно.

Было уже довольно поздно, когда Митя вернулся домой. Его ждали съ безпокойствомъ. Знали, что онъ забѣгалъ утромъ переодѣваться. Но зачѣмъ? Что случилось?

Митя сейчасъ же разсказалъ всѣ необычайныя происшествія сегодняшняго дня, всѣ свои волненія, сомнѣнія, и свое заявленіе директору, и сомнительность успѣха на второмъ испытаніи.

Всѣ слушали его съ удивленіемъ, слушали, какъ сказку, какъ разсказъ о чудесахъ. Когда онъ кончилъ, — отецъ мрачно молчалъ. Сѣдые брови его нахмурились.

— Ну и дуракъ ты у меня выросъ! — сказалъ онъ наконецъ. — Вотъ дурень, вотъ дурень!...

Онъ обнялъ сына, онъ долго обнималъ его, и долго повторялъ все тѣ же слова:

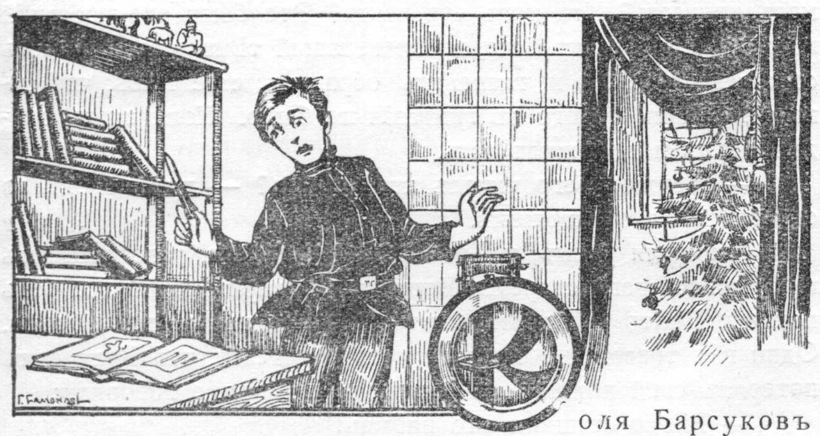
— Вотъ дурень! Вотъ дурень!

И сынъ чувствовалъ смыслъ этихъ словъ. И оба плакали вмѣстѣ счастливыми слезами, и у обоихъ на сердцѣ было свѣтло и радостно, какъ въ свѣтлый праздникъ, какъ, можетъ быть, никогда еще не было. И они вдругъ стали другъ другу такъ близки.

— Вотъ дурачекъ! Вотъ дурачекъ! — уже шепотомъ повторялъ старикъ.

СЛУЧАЙ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕРВАГО КЛАССА.

Коля Барсуковъ очень торопился въ гимназію.

— Какъ бы не опоздать сегодня. А сегодня дежуритъ Левъ Михайловичъ! — И Коля торопился, что было силъ въ его ногахъ ученика перваго класса. „Первоклассныхъ ногахъ“, какъ пошутилъ о нихъ на дняхъ его отецъ. Но благополучно поспѣлъ во время.

— Слушай, Гриша, — сразу обратился онъ къ своему сосѣду. — ты не взялъ вчера моего ножа?

— Нѣтъ. А что?

— Поищи, пожалуйста, у себя въ ранцѣ, въ пеналѣ.

— Да говорятъ же тебѣ — не бралъ!

— Ну, можетъ быть, какъ нибудь нечаянно къ тебѣ попалъ. Ты знаешь — мой маленькій ножикъ.

— Ахъ, тотъ плоскій?

— Ну да! Я вчера взялъ его съ собою въ гимназію, навѣрное помню. Помнишь, — еще на французскомъ урокѣ мы вмѣстѣ съ тобою вотъ это вырѣзали, — и онъ показалъ на вырѣзанную по серединѣ парты большую букву „Б“ —

ихъ общую букву: Колина фамилія — Барсуковъ, а сосѣда его — Богдановъ.

Гриша Богдановъ осмотрѣлъ и свой деревянный пеналъ съ картинкою на выдвижной крышкѣ и свой ранецъ, но ножа нигдѣ не было.

— Неужели пропалъ! — воскликнулъ Коля.

Начался урокъ, и на время его розыски ножа пришлось прекратить. Но Коля все время думалъ о немъ. Куда онъ могъ пропасть? Кто могъ его взять? Это былъ его любимый ножичекъ, подарокъ отца, замѣчательный тѣмъ, что онъ былъ совсѣмъ плоскимъ и, главнымъ образомъ, еще тѣмъ, что такого ножа ни у кого въ гимназіи не было. Коля очень гордился имъ и дорожилъ имъ.

— Неужели его укралъ кто нибудь? — думалъ онъ со страхомъ и возмущеніемъ.

Кончился урокъ, и Коля снова принялся разспрашивать и гимназическаго сторожа Василія, и товарищей. И все безъ пользы. Никто не видалъ, никто не находилъ, никто не бралъ. Одни изъ товарищей строили предположенія, что Коля самъ потерялъ свой ножикъ на улицѣ, другіе прямо говорили:

— Вѣрно стащилъ кто нибудь!

Коля и самъ начиналъ такъ думать. Но вотъ — кто? Онъ мысленно перебиралъ одного товарища за другимъ и никого изъ нихъ не могъ заподозрить въ воровствѣ.

— Неужели Прокофьевъ? Конечно нѣтъ! — отвѣчалъ онъ самъ себѣ съ негодованіемъ. — Или Васильевъ? Конечно не онъ! Селивановскій? Не можетъ быть!

Въ классѣ было двадцат восемь учениковъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ похожъ на вора.

На большой перемѣнѣ къ Колѣ подошелъ Вася Самойловъ, отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Знаешь кто стащилъ твой ножикъ?

— Кто?

— Володька Беккеръ!

— Отчего ты думаешь? Я его спрашивалъ. Онъ говоритъ, что не бралъ.

— Еще бы, воръ да сознался. Конечно скажетъ, что „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“. А никто, какъ онъ!

— Да почему же ты думаешь, что Беккеръ?

— А никому другому не взять. Ты подумай: — кто могъ взять? — Богдановъ?

— Ну, что ты!

— Васильевъ? Селивановскій? Прокофьевъ? Нѣтъ?

Перебрали рядъ фамилій, все — нѣтъ.

— Ну, вотъ видишь? Все выходитъ, что нѣтъ. Значитъ — Беккеръ! Я увѣренъ, что и мою ручку слоновой кости, — помнишь пропала, — и ее стащилъ именно онъ.

Коля все еще сомнѣвался. Онъ хорошо помнилъ эту исторію съ пропавшею ручкой Самойлова. Сколько тогда было разговоровъ! Самойловъ — племянникъ директора гимназіи. Узналъ о пропажѣ директоръ, сказалъ классному наставнику. Левъ Михайловичъ назначилъ цѣлое разслѣдованіе. Ничего не нашли, но всѣмъ было очень непріятно.

— Да вотъ спроси хоть Неволина. Неволинъ! — окликнулъ онъ.

Подошелъ маленькій вихрастый мальчикъ, живой, самоувѣренный. Типичный гимназистъ перваго класса, не глупый, но лѣнтяй, шалунъ, хорошій товарищъ.

— Вотъ у Барсукова пропалъ ножъ. Какъ ты думаешь, — кто взялъ его?

— Конечно Беккеренокъ!

— Ну, вотъ видишь, Барсуковъ?

— А кому же другому? Конечно онъ! — увѣренно повторилъ Неволинъ.

— А ты Льву Михайловичу про свой ножикъ скажи, — посовѣтовалъ Самойловъ.

— Развѣ надо?

— Ну, конечно, надо. Да и говорилъ онъ, чтобы о всемъ сообщать ему. Узнаетъ стороною — тебѣ же влетитъ, что самъ не сказалъ.

Да, Коля помнилъ, что классный наставникъ много разъ говорилъ всѣмъ, чтобы о каждомъ происшествіи въ классѣ сейчасъ же сообщать ему. На послѣднемъ урокѣ, какъ только вошелъ Левъ Михайловичъ, Коля поднялъ руку.

— Вы что, Барсуковъ?

— Левъ Михайловичъ, у меня пропалъ перочинный ножикъ.

— Гдѣ пропалъ и какъ? Въ классѣ?

— Да, въ классѣ. Вчера я его имѣлъ въ классѣ, а придя домой замѣтилъ, что нѣтъ.

— А вы не могли потерять его доро́гой?

— Нѣтъ, Левъ Михайловичъ, я же прямо изъ гимназіи иду домой и ничего на улицѣ не доставалъ ни изъ кармана, ни изъ ранца.

— А кто видѣлъ вчера у Барсукова ножикъ? – спросилъ Левъ Михайловичъ.

Поднялся Богдановъ, поднялся сидѣвшій сзади Прокофьевъ.

— Не нашелъ ли кто у себя, или не взялъ ли кто нечаянно ножикъ Барсукова? — обратился классный наставникъ ко всему классу.

Всѣ сидѣли молча, оглядывали одинъ другого, и всѣмъ стало неловко. Левъ Михайловичъ видимо начиналъ сердиться, но сохранилъ наружно полное спокойствіе.

— Я не могу допустить мысли, — продолжалъ Левъ Михайловичъ, — чтобы у насъ въ первомъ классѣ находился ученикъ, способный сознательно взять себѣ чужую вещь. Я не могу ни на минуту повѣрить, чтобы среди насъ могъ быть воръ. Тутъ очевидно какое нибудь недоразумѣніе. Можетъ быть, глупая шутка, можетъ быть, кто нибудь взялъ, чтобы подразнить Барсукова. Ну, подурили, подразнили — и будетъ, довольно, надо вернуть и забыть объ этой исторіи. Я очень совѣтую сейчасъ же вернуть и кончить шутку.

Онъ помолчалъ, подождалъ, но въ классѣ было тихо. Никто не откликнулся.

— Послушайте, первый классъ, — продолжалъ Левъ Михайловичъ. Ну подумайте сами. Вѣдь нельзя же простую шутку затягивать такъ долго. Изъ шутки дѣлать цѣлую исторію. Намъ надо, намъ необходимо найти пропавшую вещь и вернуть ее Барсукову.

— Вѣдь такъ жить нельзя! Ну представьте себѣ, — что́ же это будетъ, если у насъ станутъ пропадать вещи? Что же намъ — прятать другъ отъ друга свои вещи, какъ отъ враговъ? Неужели мы дойдемъ до того, что мнѣ нельзя будетъ положить въ классѣ моего портфеля и отойти отъ него? И все буду оглядываться, — не стащилъ ли его кто? А каждый изъ васъ будетъ бояться выйти изъ класса безъ страха

за свои книги, карандаши, ручки, пеналы? Вѣдь такъ жить нельзя! И потомъ — какъ же мы вмѣстѣ жить будемъ? Какъ мы будемъ смотрѣть другъ другу въ глаза, постоянно думая, — кто же у насъ воръ? Подумайте!

Левъ Михайловичъ опять остановился, и всѣ чувствовали, что ему это происшествіе очень непріятно, что онъ искренно огорченъ и опечаленъ. Но всѣ молчали, и всѣмъ было неловко.

— Ну, подумайте на досугѣ, потолкуйте между собою. Если кто знаетъ, но не хочетъ назвать, — я не требую, чтобы онъ выдавалъ товарища. Товарища выдать, конечно не хорошо. Но убѣдите его сознаться, убѣдите его вернуть ножикъ и никогда больше такъ не дурить. Ну, — оставимъ это до завтра.

И Левъ Михайловичъ перешелъ къ занятію очереднымъ урокомъ. Кончился урокъ, прочитали молитву. Левъ Михайловичъ задержалъ Колю и сказалъ ему:

— Барсуковъ, придите ко мнѣ въ учительскую, я хочу вернуть вамъ вашу тетрадь.

Когда Коля, одѣвшись, съ шапкою въ рукахъ, подошелъ къ дверямъ учительской, Левъ Михайловичъ вышелъ къ нему въ корридоръ и передалъ ему тетрадь.

— Вотъ, Барсуковъ, ваша тетрадь!

— Благодарю васъ.

— А еще вотъ что я хотѣлъ васъ, Барсуковъ, спросить. — Левъ Михайловичъ остановился, точно затруднялся сказать. — Я хотѣлъ спросить, — ну, а вы сами, какъ вы сами думаете? Есть ли у васъ на кого нибудь подозрѣніе?

Коля смущенно молчалъ.

— Я нарочно не хотѣлъ спрашивать въ классѣ, — продолжалъ Левъ Михайловичъ, — потому что я понимаю, что вамъ неудобно высказывать такія предположенія, если вы сами не увѣрены, и можете ошибаться. Вы, конечно, не захотите подозрѣніемъ своимъ обидѣть товарища, который, быть можетъ, и вовсе ни въ чемъ не виноватъ. Но у меня есть свои предположенія, и я хотѣлъ бы ихъ провѣрить. Поэтому я просилъ бы васъ сказать мнѣ, — на кого вы можете подумать? Кто бы могъ это сдѣлать?

Коля мялъ свою бѣдную фуражку, смущался все болѣе и болѣе и молчалъ.

— Ну, кто? — продолжалъ Левъ Михайловичъ. — Легче всего было бы взять сосѣду. Но вѣдь нельзя же подумать на Богданова!

— Конечно нѣтъ! — встрепенулся Коля.

— Или на Прокофьева? — продолжалъ спрашивать Левъ Михайловичъ.

— О, нѣтъ! — отвѣчалъ Коля. — Я не знаю, кто взялъ.

— Я понимаю, что вы не знаете! Но все таки вы вѣроятно думали же объ этомъ. Среди вашихъ товарищей есть разные. Вотъ о Богдановѣ, Прокофьевѣ, Самойловѣ и нѣкоторыхъ другихъ, конечно, и мысли не можетъ быть. Но у васъ можетъ быть, хотя бы и смутное предположенiе, подозрѣнiе. Это же не прямое обвиненiе товарища въ воровствѣ. Вовсе нѣтъ. Это просто — предположенiе.

Коля вспомнилъ слова Самойлова и увѣренность Неволина. Робкимъ голосомъ онъ сказалъ:

— Я не знаю кто... Но... Можетъ быть... Я думалъ, что можетъ быть... Беккеръ...

— Вотъ и вы говорите — Беккеръ! Мнѣ на него уже указывали и другiе. Благодарю васъ, Барсуковъ. Будемъ слѣдить внимательнѣе за Беккеромъ.

— Но вѣдь я не могу утверждать, что это навѣрное Беккеръ, — съ тревогой сказалъ Коля.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Я понимаю, что вы никого не обвиняете, а только высказываете свое предположенiе. Я ваши слова принимаю именно какъ ваше предположенiе и ничего больше.

Коля пошелъ домой съ сильнымъ смущенiемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него самого начало складываться убѣжденiе, что его ножикъ взялъ именно Беккеръ.

— Пожалуй, что дѣйствительно Беккеренокъ стащилъ, — думалъ Коля дорогой. — Кто же другой?

Коля старался припомнить, что дѣлалъ вчера Беккеръ, когда подходилъ, гдѣ стоялъ, съ кѣмъ разговаривалъ во время перемѣнъ, и недоброе чувство росло у него противъ Беккера.

— Не даромъ Неволинъ говоритъ, что онъ изъ жидовъ! — припомнилъ онъ.

Володя Беккеръ былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, малоспособный, второгодникъ. Учился онъ не важно, хотя и не былъ лѣнтяемъ. Онъ былъ сыномъ учителя нѣмецкаго языка, чистокровнаго нѣмца изъ Риги, женившагося на русской. Отецъ его давно уже умеръ, а мать его вышла замужъ за другого. Володя Беккеръ былъ мальчикъ тихій, онъ не сходился ни съ кѣмъ изъ товарищей, рѣдко участвовалъ въ ихъ играхъ и держался въ сторонѣ отъ всѣхъ. Его не любили товарищи, но и противъ него ничего нельзя было сказать. Онъ никогда не фискалилъ, не былъ выскочкою, не старался отличаться или угождать учителямъ. Ни единаго изъ товарищескихъ гимназическихъ преступленій за нимъ не числилось. Чаще всего его оставляли въ покоѣ и не обращали на него никакого вниманія. Имъ просто не интересовались.

Не безъ волненія шелъ Коля на другое утро въ гимназію. Онъ боялся, что Левъ Михайловичъ прямо скажетъ Беккеру о своихъ подозрѣніяхъ и сошлется на него, на Колю. Но случилось иначе. Почти цѣлый урокъ Левъ Михайловичъ проговорилъ съ классомъ по поводу пропажи ножа, но ни однимъ словомъ не намекнулъ на Беккера.

Всѣ старанія класснаго наставника добиться сознанія виновнаго не привели ни къ чему, и дѣло о пропавшемъ ножѣ пришлось оставить, какъ невыясненное. Ножикъ не нашелся, никто не сознался, ни на кого прямыхъ уликъ не было.

Прошло около двухъ недѣль, и въ классѣ опять обнаружилась пропажа. Ученикъ Шрамченко заявилъ классному наставнику, что у него пропали деньги — трехрублевая бумажка — подарокъ дяди ко дню рожденія. Весь классъ всполошился. Всѣ поняли, что это такъ просто не обойдется. Ученики горячо обсуждали между собою этотъ новый случай.

Больше всѣхъ горячился Неволинъ.

— И опять скажу, — говорилъ онъ въ своей компаніи, — никто, какъ Беккеренокъ!

— Да почему онъ? — съ сомнѣніемъ спросилъ Прокофьевъ. Я не думаю этого. Онъ тихоня.

— Ну, тогда кто же по твоему? — кипятился Неволинъ.

— Да я почемъ знаю!

— Ну то-то! И ручку Самойлова, и ножикъ Барсукова — все онъ!

— Да, да, — подтвердилъ Самойловъ.

— Сомнѣваюсь. Хотя, можетъ быть и онъ, — нерѣшительно сказалъ Прокофьевъ.

— А я думаю — ужъ не Свищевскій ли? — говорилъ въ другой сторонѣ краснощекій Никольскій.

— А кто его знаетъ, — отозвался Шрамченко, — можетъ и вправду онъ!

— Чепуха! — крикнулъ Богдановъ.

— Почему чепуха?

— А потому, что Свищевскаго вчера и въ классѣ-то не было!

— Ахъ да! Вѣрно, что не было его. Я забылъ.

— Ну то-то! А говоришь!

— Кто же тогда?

— Не знаю. Говорятъ, — Беккеренокъ.

— А знаете, — пожалуй что вѣрно! — согласился черноголовый Марковъ. — Тихоня онъ!

— Вздоръ! — горячо возразилъ Вавичъ — сосѣдъ Беккера. — Никогда не повѣрю, что Беккеръ воръ!

— А кто ихъ разберетъ! — равнодушно сказалъ Шрамченко и отошелъ въ сторону.

Разбирательству дѣла о пропажѣ трехъ рублей — конца не было. Прошелъ цѣлый урокъ. На третьемъ урокѣ въ классъ пришелъ директоръ и грозилъ выгнать изъ гимназіи всѣхъ „причастныхъ къ этой пакости". Пушилъ классъ, стыдилъ его. Уходя изъ класса, директоръ сказалъ:

— Такъ глядите у меня! Я требую, чтобы виновный былъ найденъ. Я почти уже знаю, кто это сдѣлалъ, но мнѣ надо, чтобы вы сами нашли этого негодяя, который не хочетъ сознаваться. Найти его — это вашъ долгъ. Честные люди не могутъ терпѣть въ своей средѣ вора!

И все таки ничего не нашли. Воръ остался не обнаруженнымъ. Многіе подозрѣвали Беккера, другіе — Бабочкина; кто-то указывалъ на второгодника Гильзена. Но все это были слова, голословныя предположенія. Левъ Михайловичъ вызывалъ къ себѣ въ учительскую всѣхъ учениковъ по очереди и съ каждымъ изъ нихъ порознь долго говорилъ. Многіе

выходили отъ него красные, смущенные, нѣкоторые — въ слезахъ. На вопросы товарищей:

— О чемъ онъ тебя спрашивалъ? — отказывались отвѣчать, или отвѣчали нехотя и односложно. Очень было всѣмъ непріятно и неловко, — и все же не удалось добиться ничего яснаго.

Черезъ недѣлю кончилась вторая четверть. Когда классный наставникъ объявлялъ классу отмѣтки, онъ, между прочимъ, сказалъ:

— У Беккера Владиміра неудовлетворительная отмѣтка по ариѳметикѣ. По постановленію Педагогическаго Совѣта онъ, какъ второгодникъ, уволенъ изъ гимназіи за плохіе успѣхи.

И больше ни слова о Беккерѣ. Самого его въ классѣ не было. На это раньше почему-то никто не обратилъ вниманія. Но теперь всѣ поняли, почему онъ не пришелъ. Догадывались и о томъ, что исключили Беккера не только за двойку по ариѳметикѣ, а и за что-то другое. Шептались между собою. Все увѣреннѣе называли Беккера воромъ. Находили увольненіе его вполнѣ естественнымъ, справедливымъ.

— Какъ тонко подвели! — разсуждалъ Неволинъ.

— Да, — соглашался Шрамченко, гордый въ сознаніи своей догадливости. — Уволенъ за плохіе успѣхи — и никакихъ! Тихо и безъ скандала!

— И правильно! — одобрительно говорилъ Неволинъ. — Воришка онъ, туда ему и дорога!

— Теперь больше не будутъ пропадать вещи и деньги! — добавилъ Никольскій.

Съ концомъ второй четверти совпало и окончаніе занятій.

Подошло Рождество — самый радостный праздникъ. У Коли были хорошія отмѣтки, и онъ могъ спокойно гулять всѣ праздники. И онъ веселился во всю.

Въ послѣдній день стараго года мама сказала ему:

— Послушай, Коля. У тебя такой безпорядокъ! Ты хоть для новаго года привелъ бы въ порядокъ свой столъ и полочку.

— А что же тутъ убирать? — искренно удивился Коля.

— Да вѣдь у тебя книги, тетради, нужныя, ненужныя, все навалено въ перемѣшку. Ну смотри самъ, — ну что это!

— Убирать, такъ убирать! — воскликнулъ Коля и сейчасъ же принялся за уборку. Расчистилъ мѣсто на полкѣ, сталъ перебирать книги. Порвалъ множество ненужныхъ тетрадей. Добылъ изъ подъ самаго низу старый географическій атласъ.

— Ну, полѣзай, старина, на самую верхнюю полочку на покой! — обратился онъ къ атласу и ласково тряхнулъ его на прощанье.

И вдругъ изъ запыленнаго атласа выскочилъ маленькій плоскій ножикъ, стукнулся о край стола и полетѣлъ наискось подъ кровать.

— Что это!? — вскричалъ Коля.

Онъ уронилъ атласъ и прыгнулъ подъ кровать за ножикомъ. Онъ досталъ его, схватилъ его. Да, это былъ именно его пропавшій драгоцѣнный ножичекъ! Никто не укралъ его, а онъ самъ заложилъ его въ этотъ географическій атласъ, между Азіею и Африкою. И Коля сразу все вспомнилъ. Вспомнилъ, что онъ одинъ только разъ и взялъ съ собою въ классъ этотъ атласъ. Тогда даже урока географіи не было, а онъ хотѣлъ дать этотъ старый атласъ товарищу Дронину, да тотъ не взялъ, сказалъ, что уже досталъ себѣ другой атласъ. И надо же было засунуть въ него ножикъ! И сейчасъ же Коля вспомнилъ Беккера и ему стало мучительно стыдно.

— Охъ, какъ не хорошо! — сказалъ онъ вслухъ.

Колѣ такъ было стыдно, что онъ рѣшилъ никому не говорить о своей находкѣ. Ножика своего онъ въ классъ больше не бралъ. Спряталъ его въ самую глубину ящика и пользовался имъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Кончились праздники. Начались занятія. Школьная жизнь потянулась своимъ обычнымъ ходомъ.

Какъ-то разъ, въ одно изъ воскресеній Самойловъ пригласилъ къ себѣ своихъ товарищей. Его день рожденія приходился на субботу, на будній день, и потому рѣшили отпраздновать его на слѣдующій, воскресный день, когда всѣ были свободны. Самойловъ пригласилъ своихъ завсегдатаевъ, друзей — Прокофьева, Богданова, Неволина, пригласилъ на этотъ разъ еще и Колю, Никольскаго, Селивановскаго.

Коля никогда не былъ у Самойлова и былъ радъ, что тотъ пригласилъ его. Собрались къ двумъ часамъ, сейчасъ

послѣ обѣда. Самойловъ угощалъ товарищей чаемъ съ вареньемъ и кренделемъ, были конфеты, пряники. Долго толковали о маркахъ. Самойловъ и друзья его всѣ были усердные собиратели почтовыхъ марокъ. Имъ было очень интересно разсматривать альбомъ Васи Самойлова, мѣняться марками, спорить о качествѣ марокъ.

Коля марокъ не собиралъ и ему было скучно. Онъ долго разсматривалъ кучку открытокъ, потомъ сталъ бродить по комнатѣ. Самойловъ понялъ, что не всѣмъ интересны его марки и, какъ любезный хозяинъ, предложилъ общую игру. Сѣли за столъ и стали писать записки съ вопросами и отвѣтами. Роздали каждому по листочку, по карандашу. Карандашей не хватило, и Колѣ досталось перо.

— Ты, Барсуковъ, возьми перо, — сказалъ Вася, — и подвинь себѣ чернильницу, благо ты у стола.

Стали играть. Коля раздумывалъ, чтó бы ему написать въ отвѣтъ на полученный вопросъ: „Сколько корова можетъ съѣсть огурцовъ!“ Чтó отвѣтить, чтобы было остроумно? И нѣтъ ли тутъ ловушки?

И вдругъ Коля обратилъ вниманіе на ручку, которою онъ собирался писать свой отвѣтъ. Это была хорошенькая ручка слоновой кости съ красивою рѣзьбою.

— Самойловъ! — обратился онъ къ хозяину. — Это у тебя новая ручка, совсѣмъ такая, какъ та, прежняя?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — это старая. Я давно уже нашелъ ее.

— Какъ такъ?

— Да она куда-то завалилась и попала къ брату, а тотъ сунулъ ее къ себѣ въ ящикъ и забылъ про нее. Я уже считалъ ее пропавшей.

Коля смущенно молчалъ.

— Это мнѣ тетя привезла эту ручку изъ Италіи. Ну что — написалъ отвѣтъ?

Коля совсѣмъ смутился и не зналъ, что же написать. Онъ наскоро написалъ — „49“ и передалъ записку сосѣду.

— А вопросъ?

— Ахъ, да! — вопросъ я еще не написалъ. — Что бы спросить? Ничего въ голову не приходитъ. Сколько? Сколько чего? — мухъ, яблокъ, блиновъ? Все не то! Глупо!

А въ голову неотвязно шли мысли:

— Ножичекъ найденъ, ручка нашлась. А Беккеръ? А кто говорилъ, что Беккеръ, конечно, воръ!?

— Ну, что же твой вопросъ? — торопилъ Богдановъ.

— Не задерживай игры! — волновался Неволинъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! — Коля наскоро написалъ: „Кто сильнѣе — тигръ или левъ?“ — и очень довольный, что нашелъ таки хоть какой нибудь вопросъ, передалъ записку Прокофьеву, и игра продолжалась.

Колѣ очень хотѣлось переговорить съ Самойловымъ, но при товарищахъ было неловко. Онъ рѣшилъ остаться до конца и уйти послѣднимъ. Товарищи сидѣли долго. Колѣ все время было не по себѣ. Онъ не могъ смѣяться шуткамъ товарищей, а вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, что нехорошо — притти въ гости къ прiятелю и мрачно молчать.

Наконецъ товарищи стали расходиться. А Самойловъ недоумѣвалъ, почему это Барсуковъ, видимо скучающiй, сидитъ дольше другихъ. Прокофьевъ и Неволинъ не собирались уходить, Остальные ушли всѣ. Колѣ стало неловко. Онъ чувствовалъ, что стѣсняетъ хозяина и рѣшилъ уходить. Самойловъ не удерживалъ его. Коля простился. Самойловъ вышелъ въ переднюю проводить его. Мальчики остались одни, и Коля сразу рѣшился.

— Голубчикъ Самойловъ, — началъ онъ съ большимъ волненiемъ. — Мнѣ очень надо съ тобою переговорить...

— Въ чемъ дѣло? — безъ особаго интереса спросилъ Самойловъ. Ему почему-то вдругъ показалось, что Коля хочетъ попросить у него взаймы денегъ.

— Я по поводу твоей ручки...

— Моей ручки? Какой ручки?

— Да вотъ этой, хорошенькой... Ты вѣдь нашелъ ее!

— Ну да, нашелъ. Такъ что же?

— А то, что ты вѣдь говорилъ, что ее стащилъ Беккеръ...

— Ахъ, ты объ этомъ! Я и забылъ. Ну, значитъ не Беккеръ! Ясно.

— А я недавно нашелъ въ старомъ атласѣ ножичекъ.

— Вотъ какъ? Ну и отлично!

— Но вѣдь говорили, что Беккеръ...

— Ну мало ли что говорили. Нашелъ — и слава Богу! До свиданія! Такъ заходи ко мнѣ въ другой разъ.

Мальчики разстались. Коля совсѣмъ не былъ удовлетворенъ разговоромъ съ Самойловымъ. Хотя спокойствіе Самойлова давало увѣренность въ томъ, что это не важно.

— Можетъ быть и ничего! — думалъ онъ. — Можетъ быть онъ и правъ — нашли, и слава Богу!

Но что-то еще продолжало безпокоить Колю.

— А что, если и Шрамченко нашелъ свои три рубля!? — вдругъ пришло ему въ голову. — Вѣдь я все таки сказалъ Льву Михайловичу, что думаю на Беккера. Все таки сказалъ! Да, сказалъ!

Коля рѣшилъ посовѣтоваться съ отцомъ. Отецъ Коли, докторъ, былъ человѣкъ мягкій, добрый, отзывчивый. Коля крѣпко любилъ его и часто разговаривалъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ „по душѣ" и очень любилъ эти серьезные разговоры.

Вернувшись домой, Коля рѣшилъ прямо пройти къ отцу. Но у отца были гости. Какая досада! Пришлось отложить разговоръ до утра. Коля нарочно всталъ часомъ раньше, чтобы до отхода въ гимназію переговорить съ отцомъ.

— Ты что это сегодня такъ рано? — спросилъ его отецъ, когда Коля пришелъ въ столовую, гдѣ отецъ одинъ пилъ чай, читая газету.

— Здравствуй, папа! Мнѣ надо съ тобою поговорить объ одномъ серьезномъ дѣлѣ, — сказалъ Коля, цѣлуя отца.

— Боже мой! — смѣясь отвѣтилъ отецъ. — Съ утра уже о серьезномъ дѣлѣ! Ну, что такое? — И отецъ отложилъ газету.

Коля разсказалъ исторію съ пропажею ручки, ножа, денегъ.

— Я помню, ты мнѣ уже разсказывалъ объ этомъ, — сказалъ отецъ. — Того, какъ его фамилія?... кажется уволили?

— Это Беккера уволили.

— Да, да помню! Такъ что же? Или опять пропало что нибудь?

Коля разсказалъ о своей находкѣ и о находкѣ Самойлова. И къ его удивленію — отецъ вдругъ разсердился:

— Безобразіе! Чортъ знаетъ что такое! Разгильдяи,

растеряхи! Сами растеряете свои вещи, а на людей наговариваете, людей обвиняете въ воровствѣ!

— Но вѣдь я, папочка, не обвинялъ...

— Какъ не обвинялъ! — сердился отецъ все больше и больше. — Ты же сказалъ Льву Михайловичу, что думаешь на Беккера. Сказалъ или нѣтъ?

— Сказалъ... — прошепталъ Коля.

— Ну, вотъ, сказалъ! И Самойловъ твой такой же болтунъ, какъ и ты. Тоже навѣрное сказалъ ему, что имѣетъ подозрѣніе на Беккера. Вотъ Левъ Михайловичъ, конечно, и долженъ былъ подумать. И одинъ и другой говорятъ все на того же. „Вѣроятно Беккеръ дѣйствительно воръ, если товарищи такъ дружно на него показываютъ". А когда третій болванъ заявилъ, что у него пропали деньги и тоже, вѣроятно, подъ строжайшимъ секретомъ повторилъ ту же чепуху: — „я предполагаю, что это Беккеръ", — такъ что же послѣ этого думать классному наставнику? Чортъ знаетъ что такое!

— Я вѣдь говорилъ тогда Льву Михайловичу, что я не знаю, кто взялъ... — пробовалъ защищаться Коля, но отецъ перебилъ его:

— Да не все ли равно! Еще бы ты посмѣлъ сказать, что „навѣрное это Беккеръ укралъ!" Этого не хватало бы! Все равно, — ты на него показалъ. А это неправда, клевета, чистая клевета!

— Я никакъ не думалъ, что изъ этого выйдетъ...

— А долженъ былъ думать, обязанъ былъ подумать, — горячился отецъ. — Оклеветали мальчика, объявили мальчика воромъ и успокоились! А его выгнали изъ гимназіи!

Коля видѣлъ, что отецъ очень сердится. Онъ сначала удивлялся этому, а потомъ, вдругъ, ему стало такъ ясно, что отецъ правъ, что онъ — Коля — виноватъ передъ Беккеромъ, что по его винѣ оклеветали, обвинили невиновнаго. Слезы выступили у него на глазахъ, и онъ заплакалъ.

— Теперь ревомъ не поправишь! — продолжалъ сердиться отецъ.

Отецъ большими шагами ходилъ изъ угла въ уголъ. Коля, опустивъ голову на столъ и закрывъ лицо руками, горько плакалъ. Отецъ остановился и сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Мальчикъ мой! — сказалъ онъ совсѣмъ другимъ,

ласковымъ, нѣжнымъ голосомъ. — Вѣдь правда же нехорошо вышло. Я понимаю, что ты не хотѣлъ, но вѣдь ему-то, Беккеру не легче!

Отецъ тихо гладилъ Колю по головѣ. Коля бросился къ нему, обнялъ его и плакалъ уже безъ удержу. Было больно на душѣ, стыдно и какъ-то хорошо у папы. Папа все понимаетъ. Папа сердится потому, что это дѣйствительно не хорошо.

— Что же теперь дѣлать? — задалъ наконецъ отецъ вопросъ, о которомъ и Коля думалъ все время.

Долго говорили, толковали. Надо узнать у Шрамченко о деньгахъ. Потомъ надо сказать Льву Михайловичу, надо, чтобы узнали товарищи. Надо просить, чтобы Беккера приняли обратно.

Коля опять едва не опоздалъ въ гимназію.

Въ гимназіи оказалось, что Шрамченко денегъ не нашелъ. Когда Коля сказалъ ему, что нашелъ свой ножичекъ, и что Самойловъ нашелъ свою ручку, — Шрамченко съ увѣренностью заявилъ:

— Ну, если такъ, то вѣрно и мои деньги взялъ не онъ. А впрочемъ — кто его знаетъ!

Коля хотѣлъ пройти къ Льву Михайловичу вмѣстѣ съ Самойловымъ, но тотъ рѣшительно отказался.

— Чего я пойду? Это старая исторія! И совсѣмъ теперь ни къ чему. Кромѣ того, — вѣдь уволенъ онъ совсѣмъ не за твой ножъ и не за мою ручку, а за лѣность и за плохіе успѣхи. Какое же намъ теперь дѣло?

Коля спорилъ, но не очень. Можетъ быть Самойловъ и правъ. Теперь трудно помочь. Но убѣдительнымъ это не казалось. И на душѣ было не хорошо. Рѣшилъ снова посовѣтоваться съ отцомъ. Вечеромъ разсказалъ отцу.

— Ну какое тебѣ дѣло до Самойлова! — опять разсердился отецъ. — Если эта тупая голова не понимаетъ, что онъ сдѣлалъ по отношенію Беккера гадость, такъ и Богъ съ нимъ! А ты-то самъ что думаешь? Виноватъ ты или нѣтъ?

— Виноватъ.

— Ну, а если такъ, то и поступай не по Самойловски, а какъ самъ рѣшилъ. Я тебѣ ничего не буду совѣтовать или навязывать. Если совѣсть твоя спокойна — твое дѣло. Если

нѣтъ, — то наплевать тебѣ на сотню Самойловыхъ. Ступай и дѣлай, что самъ считаешь нужнымъ.

Совѣсть Коли явно не была спокойною. Спокойствіе самоувѣреннаго Самойлова было ему глубоко противно. Отецъ не сказалъ ему больше ни слова. Коля долго думалъ про себя и твердо рѣшилъ итти къ Льву Михайловичу и не далѣе, какъ завтра. Коля поймалъ Льва Михайловича передъ урокомъ въ корридорѣ и прямо объявилъ ему, что нашелъ свой ножикъ, что Самойловъ нашелъ свою ручку, что Беккеръ очевидно не виноватъ. Коля очень волновался. Слезы опять подступили къ горлу.

Классный наставникъ выслушалъ его съ большимъ вниманіемъ.

— Это хорошо, что вы сказали мнѣ, Барсуковъ.

— Я виноватъ. Я напрасно сказалъ вамъ тогда, что думаю на Беккера. Это не правда.

— Да, это очень печальная ошибка...

— И деньги у Шрамченко, — сквозь слезы говорилъ Коля, — и деньги навѣрное тоже не онъ.

— Да! Я теперь тоже склоненъ думать, что не онъ. На него другихъ уликъ не было.

Коля вспомнилъ слова отца и поспѣшилъ сказать:

— Нельзя ли Беккера принять обратно?

— Нѣтъ, Барсуковъ, этого теперь сдѣлать невозможно. Къ тому же онъ былъ уволенъ оффиціально за дурные успѣхи. А я знаю, что онъ отданъ теперь въ корпусъ въ какомъ-то другомъ городѣ, не знаю какомъ, гдѣ-то далеко. Перевести его назадъ — невозможно.

Они помолчали.

— А вы, Барсуковъ, очень хорошій мальчикъ, — сказалъ вдругъ Левъ Михайловичъ съ какою-то незнакомою въ немъ для Коли ласковостью въ голосѣ и прошелъ въ учительскую.

На ближайшемъ же своемъ урокѣ въ первомъ классѣ Левъ Михайловичъ сказалъ классу, что Самойловъ и Барсуковъ оба нашли у себя дома свои утерянныя вещи.

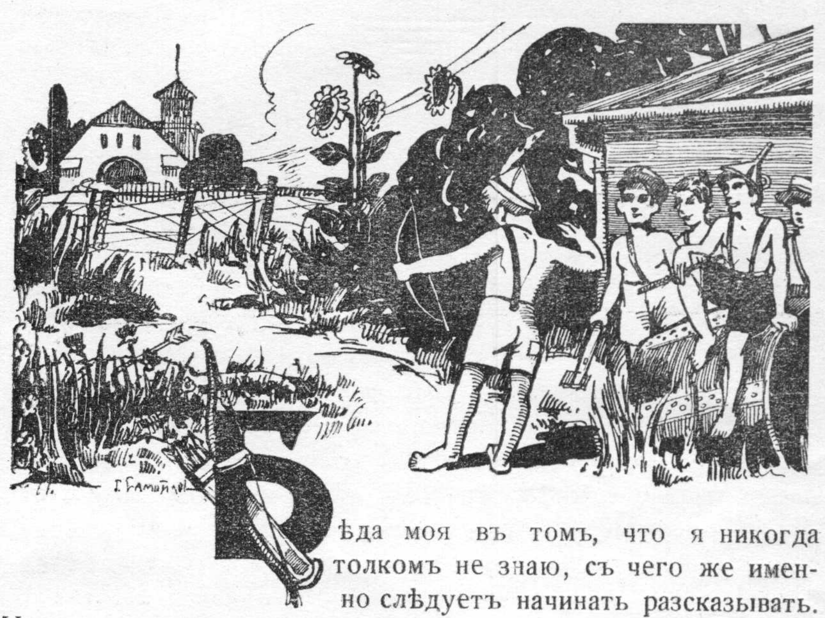
— Нѣкоторые въ классѣ, — добавилъ Левъ Михайловичъ, — и я въ томъ числѣ, въ свое время имѣли подозрѣніе на вашего бывшаго товарища Беккера. Теперь совершенно

ясно, что это была ошибка. Только будемте всѣ другой разъ гораздо осторожнѣе со своими вещами и, главное, не будемъ подозрѣвать товарищей своихъ такъ легко.

А Коля всю свою жизнь берегъ свой маленькій плоскій ножичекъ и, глядя на него, всегда вспоминалъ бѣднаго и въ свое время нелюбимаго Беккера. Что пережилъ онъ? Каково ему было тогда? Съ какими чувствами покинулъ онъ гимназію и какъ еще приняли его въ свою среду новые товарищи? Гдѣ-то онъ теперь? И что стало съ нимъ?

БОРИСКА.

I Мои воюющіе пріятели.

Бѣда моя въ томъ, что я никогда толкомъ не знаю, съ чего же именно слѣдуетъ начинать разсказывать. Никакъ не могу ухватить я самое начало. Что ни возьмешь, — такъ вѣдь это только продолженіе. Вѣдь люди-то, о которыхъ хочу разсказать, не съ неба свалились. Вотъ я и забѣгаю, нехотя, все назадъ и назадъ. Но нельзя же каждый разсказъ начинать съ сотворенія міра. И гдѣ тутъ граница, — никакъ не ухвачу.

А мальчиковъ этихъ я встрѣчалъ почти ежедневно. Не каждый день приходилось мнѣ ихъ видѣть, но слышать — слышалъ ихъ постоянно: и когда сидѣлъ у себя въ комнатѣ, и когда проходилъ по нашей пустынной улицѣ. Это былъ шумливый народъ.

Идешь, бывало, послѣ обѣда на фабрику, а они уже засѣли себѣ, какъ Соловьи-разбойники, „заняли боевую позицію", какъ они выражались.

Вдоль нашей улицы тянулись за высокимъ деревяннымъ заборомъ какіе-то низенькіе заводскіе сараи, крытые частью досками, частью — черепицею. Вотъ на этихъ слабо покатыхъ крышахъ чаще всего можно было видѣть воинственныя фигуры Бориски, Димы, Вити и многихъ другихъ. Почти голые, въ однихъ коротенькихъ штанишкахъ, съ грозными бумажными касками на головѣ, эти безстрашные вояки держали караулъ на наблюдательномъ пунктѣ и производили оттуда свои смѣлыя вылазки или подвергали боевому обстрѣлу видимыхъ и невидимыхъ непріятелей.

Мнѣ очень не хотѣлось быть ни тѣмъ, ни другимъ, и я при первой возможности постарался заключить съ ними мирный союзъ. А былъ я въ то далекое время студентомъ и на все лѣто поступилъ практикантомъ на фабрику красокъ и различныхъ химическихъ производствъ. Снималъ я комнатку у одной милой старушки. Моя милая Василиса Федоровна въ первый же день моего переѣзда къ ней разсказала мнѣ, что ребятишки съ сосѣднихъ заводовъ и фабрикъ постоянно враждуютъ между собою. Маленькіе — во всѣ дни, а которые постарше и уже на работѣ, такъ тѣ по праздникамъ.

И дѣйствительно. Въ первое же воскресенье я былъ свидѣтелемъ свирѣпыхъ схватокъ и серьезныхъ боевыхъ дѣйствій. Бросались камнями, дѣлали засады, съ дикими воинственными криками бѣгали отряды человѣкъ по шесть, семь и даже больше. И вотъ, когда я пошелъ на Волгу купаться, вотъ тутъ я и былъ въ первый разъ подвергнутъ артиллерійскому или пулеметному обстрѣлу. Одинъ камень попалъ мнѣ въ сапогъ, — одинъ въ спину, а благополучно миновало меня штукъ пять. На обратномъ пути я рѣшилъ принять рѣшительныя мѣры и, завидѣвъ на крышахъ сарая голыхъ разбойниковъ, направился прямо къ нимъ.

— Слушайте, вояки, — обратился я къ нимъ. — Кто здѣсь у васъ старшій?

Голыши притаились на крышѣ, но слышно было, что они перешептывались между собою.

— Ну, чего же вы не отвѣчаете?

— А зачѣмъ вамъ? — послышался, наконецъ, отвѣтъ.

— Мнѣ надо переговорить съ вашимъ старшимъ, по дѣлу.

Опять молчаніе. Поспѣшные переговоры шепотомъ. До меня донеслось:

— Валяй, иди, Бориска! Иди ты!

Тогда я рѣшился на военную хитрость.

— Я знаю, что у васъ за старшаго — Борисъ, и я хотѣлъ бы переговорить именно съ нимъ. Вы здѣсь, Борисъ?

— Здѣсь, — отвѣтилъ мнѣ негромкій голосъ съ крыши.

И вотъ на краю выросла передо мною фигура героя. Это былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Голый по поясъ, сильно загорѣлый. На головѣ у него была большая, трехуголка изъ синей сахарной бумаги съ пучкомъ перьевъ на верху. По щекѣ у него шелъ глубокій шрамъ. Черные умные глазенки его съ любопытствомъ и не безъ задора смотрѣли на меня.

— Здравствуйте, Борисъ! — началъ я съ возможною дѣловитостью. — У меня къ вамъ дѣло и просьба. Сегодня, когда я проходилъ здѣсь на купаніе, я былъ обстрѣленъ неизвѣстнымъ мнѣ непріятелемъ. Получилъ два раненія: гранатою — переломъ обѣихъ ногъ и пулею — въ грудь навылетъ черезъ сердце.

На крышѣ разсмѣялись, но я продолжалъ такъ же серьезно:

— Обѣ раны безусловно смертельны, и я не хотѣлъ бы получить третью. Вотъ я и рѣшилъ обратиться къ вамъ съ просьбою взять меня несчастнаго калѣку подъ свое покровительство и принять нужныя мѣры, чтобы меня впредь не трогали.

— Хорошо! — отвѣтилъ Борисъ. — За нашихъ я ручаюсь а вотъ Варгуненцы... Это вѣдь такой народъ!...

— А что — у васъ съ Варгуненцами вражда?

— Еще бы! — отвѣтили съ крыши сразу три голоса.

Слыша ходъ моихъ мирныхъ переговоровъ появилось на крышѣ еще нѣсколько головъ въ боевыхъ каскахъ различнаго цвѣта.

— А вы сами съ прядильной Мануфактуры? — спросилъ я.

— Мы — вольная дружина ратоборцевъ! — гордо произнесъ Борисъ.

— Звучное названіе! — похвалилъ я. А все таки, — вы живете на Мануфактурѣ?

— Да, на Прохоровской.

— А я съ химическаго. А живу я у Василисы Федоровны. Заходите ко мнѣ — познакомимся ближе. Можетъ быть и я чѣмъ либо смогу быть вамъ полезнымъ. У меня есть микроскопъ. Могу показать вамъ.

Мы разстались друзьями, и мнѣ была обѣщана защита отъ ребятъ Варгунинскаго завода. Въ защитѣ этой я не очень нуждался, но мнѣ было важно, чтобы сами ратоборцы въ меня, какъ въ своего, больше не стрѣляли. Варгунинцы не приходились сосѣдями и до нихъ было довольно далеко.

Это было наше первое знакомство. Другой разъ мы встрѣтились на берегу, и я забралъ всю ихъ компанію въ лодку, чтобы купаться на песчаныхъ отмеляхъ на другой сторонѣ Волги. Послѣ этого они рѣшили навѣстить меня вечеромъ послѣ работы. Были у меня Борисъ, Дима Мельниковъ и Викторъ Маркитановъ — оба дѣти мелкихъ заводскихъ служащихъ. Я узналъ ихъ ближе, и мы подружились.

Старшимъ въ „Вольной дружинѣ ратоборцевъ“ дѣйствительно былъ Борисъ Неколовъ, гимназистъ второго класса Ярославской гимназіи. Онъ жилъ лѣтомъ здѣсь у своего дяди — конторщика на бумаго-прядильной Мануфактурѣ. Отецъ его недавно умеръ, а мать съ тремя дѣтьми жила въ Ярославлѣ и повидимому сильно бѣдствовала. Это былъ любознательный, живой мальчикъ и типичный гимназистъ-задира, проказникъ, драчунъ. Вѣчно ходилъ онъ поцарапанный, съ синяками, ссадинами, но всегда былъ добръ, веселъ и не унывалъ никогда. И дня не проходило у него безъ дракъ, безъ набѣговъ, безъ опасныхъ охотъ за дикими звѣрями. Охоты эти нерѣдко кончались скандалами, и мнѣ не разъ приходилось выручать моихъ друзей. Такъ было это въ тотъ день, когда они перешибли кирпичемъ ногу поросенку, на визгъ котораго выбѣжала хозяйка его, поднявшая такой крикъ, что не стало слышно и визга пострадавшаго поросенка. Такъ было, когда они какою-то кривою палкою убили пѣтуха и увѣряли потомъ, что они охотились за страусами по-

мощью бумеранга. Особо кровопролитный бой былъ однажды въ воскресенье послѣ того какъ какіе-то ребятишки, не наши, забросали комьями сухой земли и пескомъ двухъ дѣвочекъ, изъ которыхъ одна была сестрою Вити Маркитанова. Борисъ и Витя пришли въ ярость и въ четверомъ, съ Димой и Гришей, забрались на чужой дворъ, въ самое гнѣздо непріятельское и устроили тамъ побоище. Борисъ разсказывалъ объ этой битвѣ съ восторгомъ, хотя кончилась она для него, по моему, довольно печально, такъ какъ вмѣшались матери избиваемыхъ сорванцовъ, набросились на нашихъ храбрецовъ, отстегали ихъ чѣмъ попало и выгнали вонъ со двора.

— Ну, такому исходу радоваться то какъ будто бы и нечего, — сказалъ я.

— Нѣтъ! — возражалъ Борисъ съ обычною живостью. — Это ничего, что намъ попало. Это отъ большихъ. Мы не съ ними дрались. Но за то ужъ этимъ негодяямъ попало здорово! Я этому Тишкѣ такую лупцовку задалъ, что онъ долго будетъ помнить!

Но въ промежуткахъ между кровопролитіями мои друзья часто мирно прибѣгали ко мнѣ, временно забывая о войнахъ и охотахъ. Борисъ особенно любилъ разсматривать разную разность въ микроскопъ и постоянно приносилъ съ собою ко мнѣ то зацвѣтшую воду изъ садовой кадушки, то какую нибудь плѣсень, то цвѣтокъ или бабочку.

Я былъ прочно принятъ въ число друзей дружины ратоборцевъ, но не имѣлъ никакого желанія враждовать съ другими ребятишками. Я старался поддерживать добрыя отношенія и со всѣми фабрично-заводскими шайками. Члены ихъ были большею частью тоже славные ребята, можетъ быть, болѣе грубые, болѣе распущенные. Не любилъ я только варгунинскихъ, такъ какъ это были какіе-то хулиганы и при томъ воришки. Всѣ отряды или шайки, постоянно между собою враждовавшіе, обыкновенно дѣлились по фабрикамъ или заводамъ. Каждая фабрика имѣла свое населеніе, свою физіономію, своихъ ребятишекъ, а слѣдовательно и свои самостоятельные отряды. Прохоровская мануфактура, къ которой принадлежали мои юные друзья, была едва ли не самой крупной изъ мѣстныхъ фабрикъ. На ней работало нѣсколько тысячъ рабочихъ и служащихъ. Она имѣла и свой хорошо

содержимый рабочій поселокъ, со своими лавками, свой театръ, свои три школы, свою больницу и церковь. Это было цѣлое самостоятельное государство. И вотъ въ этомъ обширномъ государствѣ было нѣсколько отдѣльныхъ партій ребятишекъ, которые рѣдко ладили между собою, а чаще враждовали. Главныя дѣленія у нихъ шли по школамъ и между дѣтьми рабочихъ и дѣтьми фабричной администраціи.

Мои друзья принадлежали къ числу такъ называемыхъ конторскихъ, а ближайшими ихъ соперниками являлись школьники второго мужского училища. Постепенно мнѣ пришлось изучить все это и разобраться во всѣхъ подробностяхъ, кто кому другъ, кто врагъ и почему. Вотъ послѣдняго, — настоящей причины вражды, — я не всегда могъ понять. По моему, въ большинствѣ случаевъ ея вовсе не было. Но каждому отряду, каждой шайкѣ надо было играть въ войну, въ своихъ и не своихъ, и потому настоятельно нужны были враги. Если ихъ не было, ихъ приходилось выдумывать, сочинять. Иначе терялся весь смыслъ и весь интересъ игры. Объ этомъ особенно заботились атаманы и командиры.

Ходилъ ко мнѣ изрѣдка и Миша Завалишинъ, скромный, худенькій мальчикъ изъ второго мужского. Все лицо его, даже лобъ и шея были покрыты веснушками. Мы познакомились съ нимъ на купаньи. Онъ привелъ потомъ съ собою ко мнѣ своего брата Колю, тоже, хотя и менѣе, рябого, и Ваньку Бабина — рыжеволосаго крѣпыша. Иногда враги у меня встрѣчались. Сперва они чувствовали себя неловко, первый разъ даже порывались уйти, но потомъ привыкли сидѣть рядомъ. Вѣдь вражда то была выдуманная. Дрались и тузили другъ друга всерьезъ, но не изъ-за чего нибудь серьезнаго, а такъ.

Миша и Коля Завалишины были по природѣ своей тихими дѣтьми. Въ бурныя игры, въ войну и въ охоту, ихъ втянули товарищи, и играли они больше изъ обезьянства. Не будь у нихъ воинствующей компаніи, они навѣрное предпочли бы сидѣть за книжкою, рисовать или даже, можетъ быть, играть съ дѣвочками въ тихія игры. Мой Борисъ не любилъ ихъ, относился къ нимъ свысока и даже не считалъ ихъ стоющими врагами.

— Съ Завалишинами и драться не интересно! — гово-

рилъ онъ мнѣ какъ-то. — Они скучные. У нихъ задору нѣтъ. Вотъ, напримѣръ, Бабинъ, — онъ рыжій дуракъ, а его треснешь, такъ по крайности пріятно. И онъ тоже спуску не даетъ. Только я его не боюсь.

Какъ-то въ серединѣ лѣта у всѣхъ ребятишекъ появились луки и стрѣлы. Сначала были у нихъ пращи, рогатки, а теперь нашла полоса всеобщаго увлеченія луками. Сперва они дѣлали себѣ маленькіе луки и стрѣляли первою попавшеюся палочкой. Но со времемъ стали изъ соревнованія дѣлать себѣ все большіе и болѣе сильные луки. Стрѣлы стали тщательно отдѣлывать. Наконецъ, появились длинныя стрѣлы съ перьями на концѣ и съ острыми наконечниками изъ жести или желѣза. Это было уже настоящее оружіе, не лишенное опасности въ рукахъ такой публики. И, конечно, — вскорѣ появились жалобы на раненія. Одному мальчику прострѣлили щеку, ранили нѣсколькихъ собакъ, лошадь. Я всячески уговаривалъ моихъ пріятелей не заводить игры слишкомъ далеко. Родители стали запрещать эту игру. У многихъ — отнимали луки и ломали. Ребятишки попрятали свое оружіе по тайникамъ, всячески скрывали его, но тайная стрѣльба и увѣчья продолжались. Наконецъ, одного мальчика пришлось спѣшно свезти въ городскую больницу, такъ какъ у него былъ сильно поврежденъ глазъ. Опасались полной потери глаза.

На рядѣ фабрикъ, въ томъ числѣ и на Прохоровской, администрація приказала прекратить стрѣльбу изъ лука, и всѣмъ родителямъ было сообщено о рѣшительномъ запрещеніи этой игры подъ страхомъ штрафовъ и другихъ взысканій. Стали прятаться еще тщательнѣе, но игра пріобрѣла въ силу этого еще болѣе привлекательности, хотя, конечно, теперь играли въ нее лишь не многіе. И вотъ какъ разъ въ это время приключилась знаменитая исторія съ кошкою.

———

II. Охота за леопардами.

Насколько мнѣ потомъ удалось все это выяснить, дѣло это произошло примѣрно такъ. Какъ то днемъ, въ самое знойное обѣденное время, когда всѣ попрятались по домамъ, а служащіе и рабочіе послѣ обѣда крѣпко спали подъ навѣсами или въ тѣни деревьевъ, въ самое глухое, а потому и безопасное время мои ратоборцы воевали съ Бабинскимъ отрядомъ второй мужской школы, который мѣшалъ ихъ охотѣ за тиграми, леопардами и другими хищными звѣрями. Игра шла на огромномъ пустырѣ на задворкахъ мануфактуры. Этотъ пустырь примыкалъ частью къ заводскимъ постройкамъ, частью къ большому саду владѣльца мануфактуры — Терентія Васильевича Прохорова. Все это огромное порожнее пространство было прикуплено Прохоровымъ на всякій случай, для будущаго возможнаго расширенія предпріятія и для того, чтобы рядомъ кто другой не занялъ и не застроилъ этого участка. Во всякомъ случаѣ въ этомъ году тамъ было всего какихъ либо двѣ, три грядки, лежало, нѣсколько сломанныхъ старыхъ котловъ, разный желѣзный ломъ, и весь пустырь заросъ высокими зарослями бурьяна. Отличное мѣсто для прятокъ и тайныхъ игръ. А самымъ дальнимъ своимъ краемъ пустырь выходилъ на мою улицу, и тутъ вдоль забора тянулись тѣ низкіе сараи, на крышѣ которыхъ такъ любили сидѣть и играть ребятишки.

Въ этотъ жаркій день мои ратоборцы, оттѣснивъ нападеніе Бабинцевъ, ждали новаго нападенія съ ихъ стороны, и въ то же время Борисъ придумалъ заняться охотой за леопардами. Леопарды были на этотъ разъ почти настоящіе. Вдоль забора пробирались двѣ кошки. Одна обыковенная рыжая, а другая какая то сѣрая, длинно-шерстая, пушистая. По командѣ ратоборцы окружили кошекъ и старались не упустить ихъ. Боря въ это время прокрался по крышѣ къ самому краю ея. Сразу по условному свистку ребятишки открыли по кошкамъ губительный „огонь“ изъ увѣсистыхъ камней. Кошки мигомъ бросились къ сараю, вскочили на крышу. Но тутъ Боря желѣзнымъ прутомъ ударилъ сѣрую кошку по головѣ такъ сильно, что она свалилась назадъ. Внизу въ

кошку попали кирпичемъ, ударили ее желѣзною полосою, а Боря угодилъ въ нее сверху двумя черепицами, да такъ ловко, что леопардъ оказался пришибленнымъ. Его безъ труда добили.

Необыкновенную добычу разсматривали съ торжествомъ и удивленіемъ.

— Надо показать Бабинцамъ! — предложилъ Витя.

— Ладно! — согласились другіе.

— Хорошо! — согласился и Борисъ. — Только подождите! Не ловко такъ. Надо имъ показать, что леопардъ убитъ стрѣлою.

— Да, да! — подхватили ребята. — Конечно, стрѣлою!

Въ поверженнаго и мертваго звѣря вонзили изъ лука смертоносную стрѣлу и пошли звать непріятелей. Боря свистнулъ три раза условно, что означало — „желаемъ вступить въ мирные переговоры". Раздались отвѣтные свистки: одинъ короткій и одинъ длинный, что означало — „согласны".

Крадучись приблизились другъ къ другу, выставивъ однако караульныхъ. Объяснили, повели показывать, и вдругъ всѣ остановились, — раздался тревожный свистъ. Знакъ всеобщей опасности. Храбрецы замерли, залегли и расползлись по густому, высокому бурьяну. Знакъ тревоги былъ поданъ однимъ изъ Завалишиныхъ, который увидѣлъ на пустырѣ чужихъ, а слѣдовательно — возможныхъ непріятелей.

Это шли трое: — прохоровскій садовникъ Никита, дворникъ Семенъ и какая-то пожилая женщина. Какъ оказалось потомъ, — это была одна изъ горничныхъ изъ дома Прохоровыхъ. Они были посланы искать пропавшаго господскаго кота, драгоцѣннаго молодого сибирскаго кота самой госпожи Прохоровой. Они и нашли его, но мертваго, со стрѣлою въ тѣлѣ. А по дорогѣ назадъ, осматриваясь кругомъ, Никита подъ старымъ желѣзнымъ котломъ въ бурьянѣ поймалъ Мишу Завалишина. И на бѣду его тутъ же оказался лукъ его брата, хотя и безъ стрѣлъ. Мишу забрали и притащили въ домъ фабричнаго короля. Миша клятвенно увѣрялъ, что лукъ вовсе не его, что у него нѣтъ своего лука, но ему не повѣрили и тѣмъ болѣе, что онъ не рѣшался сказать, кому же именно принадлежалъ этотъ лукъ и отговаривался незнаніемъ. Про кота его даже не спросили, настолько поймав-

шимъ его представлялось несомнѣннымъ, что это именно онъ убилъ кота стрѣлою изъ найденнаго при немъ лука.

Поднялся большой шумъ. Марія Павловна Прохорова пришла въ отчаяніе и негодованіе, когда ей доложили, что ея любимаго Алтайку фабричный мальчишка убилъ стрѣлою изъ лука. Алтайку, — который въ прошломъ году получилъ серебряную медаль на московской выставкѣ животноводства. Она прямо прошла къ мужу и устроила ему цѣлую сцену и, наконецъ, даже расплакалась. Терентій Васильевичъ всячески старался ее успокоить и утѣшить. Онъ тоже очень разсердился, при ней же вызвалъ къ телефону главнаго управляющаго — инженера Адольфа Карловича Ганса и приказалъ ему сейчасъ же лично разобрать все это безобразіе. При этомъ онъ потребовалъ, чтобы въ трехдневный срокъ была уволена и изгнана съ мануфактуры вся семья этого хулигана.

Адольфъ Карловичъ въ свою очередь чрезвычайно разсердился, что ему, главному управляющему огромнаго многомилліоннаго дѣла, поручаютъ возиться съ такимъ вздоромъ какъ съ дохлою кошкою Маріи Павловны. Онъ объяснилъ это себѣ тѣмъ, что владѣлецъ мануфактуры — Терентій Васильевичъ въ послѣднее время имъ не доволенъ, повидимому намѣренъ на его мѣсто посадить другого инженера и ищетъ повода къ ссорѣ. Адольфъ Карловичъ по телефону же приказалъ своему секретарю немедленно доставить къ нему всѣхъ причастныхъ къ дѣлу о кошкѣ лицъ.

Черезъ часъ у него въ конторѣ были: — садовникъ Никита, дворникъ Семенъ, весь заплаканный Миша, а также срочно вызванный и чревычайно перепуганный отецъ его — мелкій служащій, помощникъ смотрителя одного изъ фабричныхъ зданій. Рядомъ съ высокимъ плотнымъ инженеромъ Гансомъ этотъ маленькій, худой, растерянный человѣкъ имѣлъ очень жалкій видъ. Разбирательство было крайне краткимъ.

— Твой лукъ? — грозно спросилъ Адольфъ Карловичъ.

— Нѣтъ... — пролепеталъ Миша.

— Не ври! Чей же, если не твой?

Миша молчалъ.

— Вамъ, Завалишинъ, было извѣстно, что на территоріи мануфактуры запрещена стрѣльба изъ луковъ?

— Простите, Адольфъ Карловичъ! Видитъ Богъ, — я имъ говорилъ, много разъ го́ворилъ. Недоглядѣлъ. А ты, Мишенька, сознайся лучше. Проси у господина Ганса прощенія! — робко и запинаясь говорилъ Завалишинъ отецъ.

— Значитъ лукъ твой! — рѣшилъ Гансъ и продолжалъ допросъ Миши:

— Ты убилъ кота?

— Нѣтъ! Ей Богу не я!

— Не ври, дрянной мальчишка! — крикнулъ на него инженеръ.

Ему было противно и даже какъ-то стыдно, что онъ принужденъ заниматься разборомъ такой чепухи. А отецъ все уговаривалъ сына лучше чистосердечно во всемъ сознаться и просить прощенія. Это окончательно убѣдило Адольфа Карловича въ томъ, что Миша и есть истинный виновникъ. Онъ рѣшилъ скорѣе покончить съ этою комедіею.

— Дрянь ты, мальчишка! — сухо и спокойно сказалъ онъ. — Убилъ дорогого кота, спрятался, какъ воръ, и еще теперь запираешься. Мы этого терпѣть не можемъ! Вы, Завалишинъ, по распоряженію господина владѣльца уволены со службы. Мы не можемъ держать васъ на службѣ, если у васъ дѣти — хулиганы. Возьмите въ конторѣ расчетъ и потрудитесь къ завтрашнему вечеру очистить занимаемую вами квартиру!

Не удостаивая какъ громомъ пораженнаго Завалишина даже лишнимъ взглядомъ, Адольфъ Карловичъ круто повернулся и ушелъ въ свой кабинетъ, сердито хлопнувъ за собою дверью. Когда ему черезъ полъ часа доложили, что Завалишинъ умоляетъ его о разрѣшеніи явиться къ нему для объясненій, — онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Вопросъ исчерпанъ! Владѣлецъ приказалъ его уволить и мнѣ больше съ нимъ разговаривать не о чемъ.

Вѣсть о происшедшемъ чрезвычайно быстро распространилась между служащими и рабочими. Да оно и понятно. Спрятанные въ бурьянѣ ребятишки хорошо видѣли, что Мишу Завалишина поймали, что враги взяли его въ плѣнъ и увели. Это было неожиданно, непріятно, но могло входить въ кругъ игры. Коля Завалишинъ боялся, что братъ проболтается и скажетъ, что это его, Коли, лукъ, и тогда ему силь-

но попадетъ за это отъ отца. Всѣ мальчики поняли, что опять будетъ общій разносъ за луки, и сейчасъ же, на всякій случай, попрятали ихъ самымъ тщательнымъ образомъ Стремясь къ тайнѣ, они же разнесли по домамъ вѣсть о случившемся.

Вечеромъ, за ужиномъ, Андрей Андреевичъ Неколовъ — дядя моего Бориса — принесъ изъ конторы новость: Завалишина уволили и выгоняли вонъ за поступокъ сына.

— Слышишь, Бориска? — обратился онъ къ племяннику. — Ты мнѣ смотри съ этою дурацкою затѣею! У тебя лукъ то же поди есть?

— Сломался... — уклончиво отвѣтилъ Борисъ.

— Ты мнѣ зря то не ври! Я тебѣ толкомъ говорю Брось и поломай эту пакость. Теперь пошли большія строгости. Слышишь, какъ разлютились, прости Господи!

— Неужели уволили Завалишина? — со страхомъ спросилъ Борисъ.

— Я же тебѣ говорю, что разлютились. Тамъ который-то изъ Завалишинскихъ сорванцовъ убилъ изъ лука кошку драгоцѣнную, любимую господскую, — такъ вотъ Адольфъ Карловичъ и разговаривать съ нимъ не сталъ. Какъ собаку выгоняетъ Завалишина со службы вонъ.

— Господи! — воскликнула Анна Ивановна — жена Неколова. — Да вѣдь ихъ всѣхъ шестеро, съ дѣтьми-то.

— Развѣ они на это смотрятъ! Что хотятъ, то и дѣлаютъ.

— Но вѣдь кота-то убилъ совсѣмъ не Миша! — вскричалъ Борисъ.

Дядя сердито и пристально посмотрѣлъ на него и долго молчалъ. Боря потупился и тоже молчалъ.

— А ты видалъ — кто убилъ? — тихо спросилъ онъ племянника.

Боря не отвѣтилъ. Лицо его стало краснымъ.

— Ужъ не твоихъ ли рукъ дѣло? — пытливо спросилъ дядя и крѣпко взялъ Борю за руку.

Борисъ не отпирался. Анна Ивановна пришла въ ужасъ, а дядя вдругъ страшно разсердился и больно побилъ Бориса, чего онъ ни разу не дѣлалъ. Анна Ивановна испуганно возмущалась дикою распущенностью мальчишекъ, годовалая дочка ея раскричалась на весь домъ, дядя сердито бранился,

а Борисъ лежалъ ничкомъ на кровати н старался удержаться отъ всхлипываній, которыя душили его.

Никогда, ни разу его не били дома, ни отецъ, ни мать, а теперь вотъ дядя побилъ. И это острое чувство обиды на время заглушало въ немъ всѣ другія мысли и чувства. Борисъ сознавалъ, что убивать кота, пожалуй, не слѣдовало, но это все же не давало, по его мнѣнію, дядѣ права его бить.

Дядя ушелъ куда-то. Анна Ивановна долго унимала свою дочку, потомъ принялась стыдить Бориса. Но онъ не отвѣчалъ ей. Кругленькая, толстенькая Анна Ивановна говорила пространно, безъ умолку. Она корила Бориса и много разъ повторяла, что вотъ изъ-за него, изъ-за его дурацкой шалости теперь выгоняютъ всѣхъ Завалишиныхъ. Такая хорошая семья. Четверо дѣтей, двое изъ нихъ совсѣмъ маленькія. И такая бѣда на нихъ. Куда они теперь дѣнутся. Службы другой теперь не найти. Что станутъ дѣлать. И все изъза него. Изъ-за его глупой шалости. Борисъ твердо рѣшилъ ничего не отвѣчать ей. Но ея слова вернули его къ мысли о Завалишиныхъ и ихъ несчастной судьбѣ.

— Какъ все это вышло неожиданно!

Уже довольно поздно вечеромъ вернулся дядя. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ Бориса. Анна Ивановна опять заговорила про бѣдныхъ Завалишиныхъ. И тогда Борисъ вдругъ рѣшился. Онъ привсталъ и сердито глядя на дядю сказалъ ему:

— Ну да! Я убилъ кота, я же и отвѣчу за это. Завалишины тутъ не при чемъ... Пойду и скажу...

— Молчи, каналья! — закричалъ на него дядя.

Борисъ не понялъ его. Онъ хотѣлъ показать дядѣ, что онъ вовсе не такой злодѣй, какъ тотъ думаетъ, что онъ хочетъ сознаться самъ и тѣмъ оправдать Завалишина.

— Я скажу, что Завалишинъ тутъ не при чемъ...

— А я говорю тебѣ — замолчи! — бросился къ нему дядя. — Никуда ты не пойдешь и ничего никому не смѣешь говорить.

— Но вѣдь...

— Ты хочешь, чтобы и меня выгнали со службы? Да? Хочешь пойти разболтать, чтобы твоего дядю родного съ

семьею выбросили завтра на улицу за то, что онъ тебя, хулигана паршиваго, къ себѣ принялъ? Да? Этого ты хочешь?

— Нѣтъ... — лепеталъ, снова, по другому, перепуганный и удивленный Борисъ, — нѣтъ... но вѣдь Завалишины...

— Нѣтъ, такъ и молчи. Кто васъ тамъ разберетъ кто убилъ. Ты ли, онъ ли? Вмѣстѣ поди хулиганили! Онъ попался, а ты нѣтъ. Вотъ и все. И молчи!

Анна Ивановна вдругъ поняла, что опасность грозитъ и имъ самимъ, и пришла въ ужасъ. Она говорила много, быстро, тревожно. Она снова принялась укорять Бориса, но теперь уже за то, что онъ не хочетъ подумать о нихъ, что онъ готовъ заступиться за чужихъ, а бѣду призвать на голову близкихъ родныхъ, что онъ безчувственный, неблагодарный. Она утверждала, что Завалишины не пропадутъ, что ихъ все равно въ скоромъ времени уволили бы. Ужъ такіе люди они неспокойные. Нигдѣ не усидятъ по-долгу.

— Дядя! Я ничего не понимаю — сказалъ, наконецъ, сбитый съ толку Борисъ. — Вѣдь виноватъ я, я одинъ, а Завалишинъ попался случайно. Я хочу пойти и сознаться, а ты говоришь...

— Говорю, что ты чурбанъ безчувственный, — снова перебилъ его дядя. — Нечего героя изъ себя изображать. „Пойду, сознаюсь! Заявлю о невинности несчастнаго страдальца Завалишина“. Глупыя слова! Игра въ благородство! Да не кстати совсѣмъ. Виноваты вы, конечно, оба, и нечего на себя одного брать вину. Завалишину все равно теперь уже не поможешь, а меня подведешь.

— Но вѣдь...

— Такъ что же тебѣ, дураку, легче будетъ, если выгонятъ со службы не только Завалишина, но и меня? Развѣ они посмотрятъ! Я съ тобой и толковать не хочу и говорю тебѣ въ послѣдній разъ: сиди дома и молчи! Или потомъ ужъ пеняй на себя. Чтобы ты у меня завтра не смѣлъ изъ дому выйти! Ни на шагъ! Никуда! Слышишь?!

Все это въ подробности, на скоро, скороговоркою, сквозь слезы разсказалъ мнѣ на слѣдующій же день самъ Борисъ. Онъ просидѣлъ все утро дома и тщетно выдумывалъ, какъ бы убѣжать. Наконецъ, когда послѣ обѣда дядя снова ушелъ на службу, представился случай. Теткѣ понадобилось уйти

изъ дому, чтобы снести показать свою дочку доктору. Уходя она заперла Борю въ комнатѣ на ключъ. Онъ выбрался черезъ окно и прибѣжалъ ко мнѣ, расчитывая, что я иногда въ послѣобѣденные часы работаю у себя дома. Случайно я былъ дома въ этотъ день и выслушалъ весь его разсказъ.

Меня тронуло, что мальчикъ сбѣжалъ черезъ окно, чтобы подѣлиться со мною своимъ горемъ. Онъ спрашивалъ моего совѣта, — что дѣлать, просилъ помочь, умолялъ придумать способъ спасти несчастныхъ Завалишиныхъ. Но что могъ я сдѣлать! Я — студентъ практикантъ на другомъ заводѣ. А знакомствъ у меня не было на мануфактурѣ никакихъ. Но Боря такъ просилъ, такъ просилъ меня, и дѣло по существу было столь возмутительное, что я не имѣлъ силъ отказаться. Я обѣщалъ сдѣлать попытку и дать ему знать черезъ кого либо изъ нашихъ.

Борисъ благополучно пробрался снова черезъ окно подъ замокъ, а я сталъ размышлять, что бы тутъ можно было подѣлать.

III. О томъ, какъ мы расхлебывали кашу.

Я пошелъ къ себѣ на химическій заводъ, гдѣ у меня было много знакомыхъ, и рѣшилъ посовѣтоваться со свѣдующими людьми. Всѣ мои пріятели дружно совѣтовали мнѣ не вмѣшиваться въ эту исторію, хотя многіе возмущались самоуправствомъ Прохорова. Одинъ изъ нашихъ инженеровъ-химиковъ былъ хорошо знакомъ со старшимъ помощникомъ бухгалтера мануфактуры. Я попросилъ его свести меня съ нимъ. Онъ позвонилъ ему по телефону и попросилъ его переговорить со мною, на что тотъ любезно согласился. Я сейчасъ же отправился къ нему. Не безъ робости входилъ я во дворъ этой огромной мануфактуры. Цѣлый городъ. Громадныя зданія самой мануфактуры. Безконечные склады, мастерскія, электрическая станція, рядъ домовъ старшихъ служащихъ, наконецъ, большой трехъ-этажный домъ съ надписью „Контора“, Я разыскалъ бухгалтера, извинился передъ нимъ за безпокойство и изложилъ ему дѣло объ убитомъ котѣ.

Онъ уже зналъ эту исторію. Она стала извѣстна всѣмъ. Онъ возмущался, но не зналъ, какъ помочь. Онъ сразу поставилъ мнѣ вопросъ.

— А вы можете назвать дѣйствительнаго виновника?

Я затруднялся прямымъ отвѣтомъ.

— Я знаю его, — сказалъ я. — Онъ самъ мнѣ признался. Но, знаете ли... я опасаюсь назвать его.

— Тогда мы ничего не сможемъ сдѣлать. И при томъ у нашего главноуправляющаго, на сколько я знаю, сегодня уже былъ главный смотритель зданій и просилъ за Завалишина, — онъ многосемейный и хорошій, честный служащій, — но нашъ фонъ Гансъ не человѣкъ, а камень. Въ особенности теперь.

Онъ разсказалъ мнѣ про слухи о неладахъ между главнымъ управляющимъ и владѣльцемъ. Теперь меньше, чѣмъ когда либо Гансъ будетъ склоненъ уступить, разъ задѣта лично супруга владѣльца. Положеніе было безнадежное.

— Вы понимаете, — говорилъ бухгалтеръ съ презрительной улыбкой, — вѣдь убили такого высокопоставленнаго благороднаго кота, огорчили ея высочество!

Единственное что, по словамъ бухгалтера, удалось сдѣлать, — это добиться разрѣшенія отсрочить выѣздъ семьи Завалишиныхъ на одни сутки. Я поблагодарилъ моего собесѣдника за печальныя свѣдѣнія, еще разъ извинился за причиненное ему безпокойство и вышелъ. На душѣ у меня было дрянно.

Я медленно выходилъ изъ воротъ мануфактуры, когда мнѣ пришли въ голову слова, которыя часто говорилъ мой отецъ: „А все ли ты сдѣлалъ, что могъ сдѣлать?“ И я вдругъ принялъ рѣшеніе сдѣлать еще одну попытку. Я почти бѣгомъ пошелъ домой, переодѣлся, надѣлъ мой лучшій праздничный бѣлый форменный китель, новую фуражку, вычистилъ сапоги и вернулся назадъ на мануфактуру. Я прошелъ прямо въ контору и попросилъ доложить обо мнѣ главному управляющему, господину Гансу. Меня ввели въ пріемную и попросили обождать. Вскорѣ вышелъ ко мнѣ молодой служащій и очень любезно освѣдомился о томъ, что мнѣ надо.

— Мнѣ хотѣлось бы лично переговорить съ господиномъ фонъ Гансомъ, — оффиціальнымъ тономъ отвѣтилъ я.

— Господинъ главноуправляющій очень занятъ. Можетъ быть вы будете любезны изложить ваше дѣло мнѣ.

Но я рѣшилъ быть твердымъ и настаивалъ на пріемѣ. Меня заставили ждать довольно долго, но я выждалъ съ упорствомъ. Наконецъ, меня пригласили войти въ кабинетъ главноуправляющаго. Я очень волновался и сразу забылъ всѣ приготовленныя хорошія, гладкія вступительныя фразы.

Меня приняли болѣе чѣмъ холодно. Въ большомъ кабинетѣ передъ письменнымъ столомъ стоялъ высокій, широкоплечій человѣкъ, лѣтъ 45, чисто выбритый, въ большихъ круглыхъ очкахъ въ роговой оправѣ.

— Что вамъ угодно? — спросилъ онъ, не отвѣтивъ на мое привѣтствіе.

Не очень складно, слегка путаясь я все же изложилъ вкратцѣ, что по имѣющимся у меня вполнѣ точнымъ свѣдѣніямъ мальчикъ Завалишинъ попался случайно, что онъ не участникъ убійства кота, и что такимъ образомъ увольненіе его отца является актомъ, основаннымъ на ошибкѣ. Гансъ нахмурился и отвѣтилъ мнѣ довольно рѣзко.

— Позвольте мнѣ, молодой человѣкъ, лучше васъ знать, что справедливо и что ошибочно!

— Но вѣдь это роковая ошибка! — настаивалъ я.

— Я бы совѣтовалъ вамъ не вмѣшиваться въ дѣла, которыя васъ совершенно не касаются. Владѣлецъ мануфактуры поручилъ разслѣдовать это дѣло мнѣ, а не вамъ. Я разслѣдовалъ, выяснилъ виновнаго, и вопросъ исчерпанъ.

Я хотѣлъ еще что-то сказать, но онъ уже не далъ мнѣ говорить.

— Я просилъ бы васъ оставить это безполезное пререканіе. Исторія этой кошки мнѣ достаточно надоѣла.

— Если вы не желаете слушать никакихъ резоновъ, то дѣйствительно разговаривать съ вами безполезно! — сказалъ я и ушелъ.

Въ догонку мнѣ было сказано что-то вѣроятно весьма мало лестное, но я не разслышалъ и поспѣшилъ выбраться. Дѣло было безнадежно испорчено, и я сердился на себя за то, что впутался въ него и залѣзъ такъ далеко, до этого отвратительнаго разговора. Меня чуть не выгнали вонъ, какъ

мальчишку. Я былъ золъ, оскорбленъ и твердо рѣшилъ больше не въ свои дѣла не вмѣшиваться.

Дома у меня, или вѣрнѣе у моихъ дверей, я засталъ цѣлую засаду. Тутъ былъ Витя Маркитановъ, Дима Мельниковъ, Коля Завалишинъ, рыжій Бабинъ и еще кто-то. Всѣ очень растерянные. Они провѣдали, что я пошелъ по дѣлу объ увольненіи Завалишина и ждали меня съ нетерпѣніемъ. Мальчики выбѣжали мнѣ на встрѣчу и смотрѣли на меня такъ вопросительно, съ такою надеждою во взглядахъ, что вся моя злость сразу прошла.

— Плохо, братцы, — сказалъ я, — ничего не выходитъ!

Они молчали. У Коли были слезы на глазахъ. По его лицу было видно, что дома у нихъ горе тяжелое.

— Ничего нельзя сдѣлать! — повторялъ я. — Я сейчасъ былъ у главнаго управляющаго, — и ничего не выходитъ!

— А папа ходилъ къ самому, — сквозь слезы сказалъ Коля, — такъ не допустили. Мама къ самой барынѣ ходила просить, такъ тоже не допустили.

Меня сейчасъ же посвятили во всѣ дѣла. Оказывается, — всюду было тоже самое. Всѣмъ участникамъ злосчастной охоты было строжайше приказано молчать и ни въ чемъ не сознаваться. Мальчики Завалишины сначала дѣйствительно не знали, кто именно убилъ кота, и долгое время на всѣ вопросы они твердили: „не мы“, а на вопросъ: „А кто убилъ?“ — отвѣчали: „Не знаемъ!“ „Не видали“. Потомъ черезъ другихъ мальчиковъ Коля узналъ правду, сейчасъ же разсказалъ отцу, и они оба бросились хлопотать. Они стали прямо указывать на Неколова, какъ на главнаго виновника, но теперь имъ уже никто не вѣрилъ. Ихъ утвержденія принимали за ложный доносъ. Бориса Неколова нигдѣ не было видно. О немъ говорили, что онъ заболѣлъ, а дядя его рѣшительно отрицалъ участіе племянника въ этомъ дѣлѣ и въ свою очередь утверждалъ, что Завалишины просто хотятъ свалить все съ больной головы на здоровую.

— Ты, Мельниковъ, — обратился я къ Димѣ, — передай пожалуйста Борису. Я обѣщалъ ему. Передай, что я старался, былъ даже у главнаго управляющаго, но ничего сдѣлать нельзя.

Мальчики стали медленно расходиться. Видъ былъ у всѣхъ самый печальный. Я остался одинъ, переодѣлся, попробовалъ сѣсть заниматься, но на душѣ было какъ-то не хорошо, и работа не шла на умъ.

— Но вѣдь, кажется, я дѣйствительно сдѣлалъ все, что могъ! — успокаивалъ я себя.

Однако мысль, что завтра ни въ чемъ неповинная семья Завалишиныхъ окажется на улицѣ, не давала мнѣ покоя. Мнѣ было хорошо извѣстно, что въ это время года, а въ данномъ году особенно, не такъ легко семейному человѣку найти себѣ мѣсто. На многихъ фабрикахъ даже сокращали число служащихъ, и безработныхъ въ нашихъ мѣстахъ было не мало.

Мельчиковъ, конечно, сейчасъ же отправился къ Борису, но его къ нему не пустили.

— Боленъ Борисъ! — отрѣзала тетка. Нельзя къ нему. Я вотъ сейчасъ изъ больницы. Къ доктору ходила. Нельзя къ нему.

Но отдѣлаться отъ ребятишекъ было не такъ легко и просто. Они сейчасъ же обсудили положеніе сообща и нашли способъ дать Борису вѣсть. Черезъ полчаса къ Аннѣ Ивановнѣ пришла дѣвочка, Катя Бабина, подъ предлогомъ попросить для матери противень. Она заговорила Анну Ивановну, стала восхищаться маленькою ея дочкою, попросила позволенья взять дѣвчурку на руки, забавляла ее и умудрилась съ дѣвочкою на рукахъ пройти въ комнаты. Улучивъ минуту она передала Борису мой отвѣтъ и разсказала объ общемъ безнадежномъ положеніи дѣла. Передала и то, что срокъ выселенія Завалишиныхъ отложенъ на сутки.

Борисъ былъ въ отчаяніи. Головенка его работала напряженно. Онъ изобрѣталъ одинъ планъ за другимъ, но все это были обычныя дѣтскія несбыточныя фантазіи.

— Что дѣлать? Что дѣлать? — безъ конца повторялъ онъ.

Онъ былъ очень возстановленъ противъ дяди, противъ его грубости, жестокости къ нему. Но онъ не хотѣлъ ему зла. Онъ понималъ, что дядя боится за себя, за свою семью. Страхъ нищеты былъ Борису хорошо извѣстенъ. Онъ вспоминалъ свою мать, ея вѣчный страхъ, что ихъ сгонятъ съ квартиры. Вспоминалъ, какъ она униженно просила дядю

взять къ себѣ на лѣто его, Бориса. Какъ она умоляла сына всячески угождать дядѣ и теткѣ. Какъ она хвалила доброту дяди, который согласился принять племянника.

— Сами тоже не богато живутъ, — все повторяла она.

Борисъ зналъ это теперь очень хорошо. Дядя жилъ очень не богато. Страхъ лишиться мѣста былъ такъ понятенъ. Но Завалишины? Борисъ вспомнилъ, какъ Анна Ивановна ему въ укоръ подробно расписывала бѣдственность ихъ положенія, ихъ отчаяніе, трудность получить другое мѣсто. Правда, потомъ она уже увѣряла, что „они не пропадутъ“, но вѣдь это она уже явно говорила зря.

Это былъ мучительный день. Борису было тяжело сидѣть взаперти, а тутъ еще и на душѣ такъ не хорошо. Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ пришла ему тогда въ голову эта дурацкая мысль охоты за кошкою!

Время проходило медленно, тоскливо...

IV. Послѣднія попытки.

На слѣдующій день Завалишины должны были выбираться. Дядя не требовалъ болѣе, чтобы Борисъ сидѣлъ дома, и разрѣшилъ ему выйти. Вопросъ былъ рѣшенъ и конченъ. Теперь заявленію мальчика все равно никто бы не повѣрилъ.

Борису очень хотѣлось прежде всего пойти къ Завалишинымъ, проститься и попросить у нихъ прощенія. Онъ и пошелъ къ нимъ. Около крылечка ихъ было цѣлое собраніе. Сосѣдки, жены сослуживцевъ, — всѣ проявляли большое участіе въ постигшей Завалишиныхъ бѣдѣ. Каждому хотѣлось по своему хоть чѣмъ нибудь облегчить ихъ положеніе. Самого Завалишина — отца не было дома. Онъ съ ранняго утра уѣхалъ въ Ярославль искать пристанища и долженъ былъ вернуться двухъ-часовымъ пароходомъ, чтобы вечернимъ пароходомъ везти семью.

Борисъ робко подошелъ и сталъ среди женщинъ. Онъ думалъ, что на него сейчасъ же всѣ набросятся, но никто не обращалъ на него вниманія. Кругомъ говорили полушепотомъ, точно въ домѣ былъ покойникъ. Входили, выходили, увязывали какія-то вещи, заколачивали ящикъ. Къ открытому

настежъ окну подошла Завалишина — женщина лѣтъ 35, маленькая, тощая, съ лицомъ, засыпиннымъ, какъ у ея дѣтей, множествомъ мелкихъ веснушекъ. У ней было столько тупого отчаянія въ лицѣ, ея красные, воспаленные, сухіе глаза съ такою тоскою смотрѣли кругомъ и, казалось, ничего не видѣли, никого не узнавали. Увидѣвъ ее Борисъ вдругъ отчетливо вспомнилъ выраженіе лица своей матери тогда, въ прошломъ году, когда они вернулись домой съ похоронъ отца. Сердце его сжалось, и ему показалось, что онъ только теперь вдругъ понялъ, какой это ужасъ для Завалишиныхъ это внезапно свалившееся на нихъ выселеніе.

Борисъ не рѣшился подойти ближе и тихонько отошелъ въ сторону. Замѣтивъ Мельникова Борисъ подошелъ къ нему.

— Дима, — сказалъ онъ полушепотомъ. — Пожалуйста вызови мнѣ Мишу...

— Онъ дома. Къ нимъ можно...

— Нѣтъ, вызови сюда! Я не могу къ нимъ...

Когда Миша пришелъ, Борисъ отвелъ его въ сторону, чтобы ихъ не было видно.

— Прости меня, Миша, — чуть слышно сказалъ онъ.

Миша молчалъ.

— Прости. Вѣдь это я, я во всемъ виноватъ!

— Я знаю, — такъ же тихо отвѣтилъ Миша.

— Миша, голубчикъ. Я хотѣлъ сознаться. Вѣдь меня дядя побилъ, заперъ, запретилъ говорить. Онъ говоритъ — „все равно теперь ничего не подѣлаешь". А я хотѣлъ. Ты не думай про меня... Я хотѣлъ...

Слезы душили его. Онъ не зналъ, что́ сказать. Онъ схватилъ Мишу, крѣпко обнялъ его. Оба плакали. Словъ не было.

Подошли другіе мальчики. Всѣ эти драчуны, сорванцы, храбрые вояки стояли теперь растерянные, и сами готовы были расплакаться. Въ ихъ присутствіи было неловко. Борисъ еще разъ порывисто обнялъ Мишу и убѣжалъ домой.

Голова его заработала съ новою силой.

— Господи! Неужели же ничего нельзя сдѣлать!

Онъ вдругъ рѣшилъ итти къ самой хозяйкѣ, къ полулегендарной для него женѣ владѣльца мануфактуры.

— Я упаду передъ ней на колѣни, — думалъ онъ, —

я буду ее умолять. Неужели она не пойметъ! Вѣдь изъ-за ея же кота! Вѣдь тѣ рѣшительно ни въ чемъ не виноваты!

И Борисъ полный отчаянной рѣшимости бросился къ дому владѣльца. Въ парадную дверь онъ войти не рѣшился Онъ понималъ, что швейцаръ просто выгонитъ его вонъ. Попробовалъ онъ проникнуть въ садъ. Но его сейчасъ же замѣтилъ старшій садовникъ и такъ грозно прикрикнулъ на него, что онъ убѣжалъ. Тогда Борисъ отправился въ кухню. У него явилась мысль разыскать горничную и дѣйствовать черезъ нее. Но изъ кухни его тоже выгнали. Поваръ не сталъ даже и разговаривать съ нимъ. Вертясь изъ угла въ уголъ по двору, онъ встрѣтилъ кого-то изъ прислуги. Это былъ помощникъ буфетчика, молодой добродушный парень. Борисъ обратился къ нему.

— Будьте добры! Нельзя ли мнѣ на малую минутку повидать горничную?

— А тебѣ которую надо? — спросилъ тотъ съ удивленіемъ.

— Горничную хозяйки дома. Госпожи Прохоровой.

— Да у насъ ихъ тутъ полонъ домъ!

— Какую нибудь...

— Вотъ чудакъ-человѣкъ! Какъ же такъ — „Какую нибудь!“? Да чего тебѣ, братецъ, надобно?

— Очень нужно! Мнѣ на два слова. Пожалуйста!

Буфетчикъ засмѣялся.

— Вотъ присталъ! Ты говори толкомъ — кого тебѣ нужно: Настасью Филипповну, Катерину Александровну, Анну Семеновну, или Амалію Ивановну?

— Амалію Ивановну! — наугадъ сказалъ Борисъ.

— Ну, такъ бы и говорилъ! А то заладилъ — „Какую нибудь!“ Ну, пойдемъ со мною. Тамъ обождешь, пока я ее кликну. Да еще невѣдомо — свободна ли она?

Онъ оставилъ Бориса на какомъ-то заднемъ крылечкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему вышла какая-то, какъ ему показалось, нарядная барыня, осмотрѣлась кругомъ и съ удивленіемъ остановила свой взглядъ на смущенномъ мальчикѣ.

— Это ви меня звалъ? — обратилась она къ нему.

— Да, я просилъ...

— А онъ хатъ схазалъ, што молодой шеловикъ!

— Извините пожалуйста! — заторопился Борисъ. — У меня къ вамъ большая просьба. Нельзя ли мнѣ на одну минутку повидать барыню!

— Барыню? Госпожа Прохоровъ?

— Да, на одну минутку!

— Какъ то можно? Ти тоже шутилъ?

— Амалія Ивановна, ради Бога! Мнѣ только на минутку! Очень нужно!

— Ти зашѣмъ? Госпожа Прохоровъ будетъ спросить — зашѣмъ?

— Мнѣ очень нужно. Это насчетъ кота, котораго убили.

— Счетъ кота?

— Только сказать, что это я убилъ, а не Завалишинъ. А ихъ всѣхъ выгоняютъ!

— Какъ ты смѣшь приходить! Гадки мальчишка! Такой знаменитый котъ убилъ...

— Такъ вѣдь я повиниться хочу. Ради Бога, скажите ей!

Вѣроятно въ выраженіи лица мальчика было много горя, искренности, правдивости. У Амаліи Ивановны было доброе сердце. Ей стало жалко его, и она рѣшила попробовать. Но добренькая Амалія Ивановна плохо понимала по-русски. Она отправилась къ хозяйкѣ и объяснила ей, что пришелъ тотъ мальчикъ, который убилъ кота, проситъ прощенія. Марія Павловна знала, что мужъ приказалъ уволить отца этого хулигана, который такъ жестоко убилъ ея Алтайку. Она поняла, что теперь родители подослали мальчика къ ней просить прощенія, разжалобить ее и просить отмѣны увольненія. Она вспомнила, что, кажется вчера еще приходила жена этого служащаго, но она не приняла ее. Она избѣгала вмѣшиваться въ дѣла мануфактуры и терпѣть не могла разговаривать съ рабочими, въ особенности, выслушивать просьбы со слезами. Марія Павловна наотрѣзъ отказалась выслушать мальчика.

— Это меня теперь совсѣмъ не касается, — сказала она. — Это дѣло управляющаго. Пусть обращается къ нему.

Амалія Ивановна передала это Борису, и онъ медленно вышелъ. Послѣдняя внезапно мелькнувшая надежда рухнула. Обращаться къ управляющему, — онъ зналъ это отъ меня,— совсѣмъ безнадежно и безполезно. Медленно, какъ побитый,

выходилъ Борисъ со двора. Онъ такъ надѣялся, такъ волновался, былъ полонъ такой рѣшимости упросить, умолить, — и вдругъ сразу — ничего!

Рѣзкій гудокъ автомобиля вывелъ его изъ оцѣпенѣнія. Онъ бросился въ сторону и чуть не попалъ подъ колеса огромнаго свѣтло-сѣраго автомобиля, быстро подъѣзжавшаго къ парадному крыльцу дома. Это возвращался домой самъ владѣлецъ мануфактуры вмѣстѣ со своимъ главно-управляющимъ. Швейцаръ въ расшитой золотомъ ливреѣ выскочилъ навстрѣчу и почтительно открылъ дверцы мотора. Терентій Васильевичъ медленно выходилъ изъ автомобиля, продолжая говорить о чемъ-то Гансу. Онъ даже задержался на подножкѣ. И тутъ вдругъ точно что оборвалось у Бориса въ груди. Что-то толкнуло, бросило его впередъ, и онъ полетѣлъ, какъ пьяный, какъ потерявшій способность владѣть собою, прямо къ владѣльцу.

— Ради Бога! — вскричалъ онъ. — Вы все можете! Простите Завалишина! Онъ ни въ чемъ не виноватъ! Это все я, только я!...

Швейцаръ схватилъ его грубо за шиворотъ и хотѣлъ отбросить, но Терентій Васильевичъ остановилъ его.

— Оставь! Ты о чемъ это? — спросилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Простите Завалишина! Прикажите не увольнять его! Это я убилъ кота, я...

— Кто это Завалишинъ! — обратился Терентій Васильевичъ къ Гансу, оставшемуся въ автомобилѣ.

— Завалишинъ — это тотъ служащій, котораго я уволилъ по вашему распоряженію, — отвѣчалъ Гансъ, не глядя на Бориса. Да ему изъ автомобиля трудно было бы его разсмотрѣть. — А это одинъ изъ его сыновей, которые убили кота Маріи Павловны.

— Неправда, неправда! — закричалъ Борисъ. — И я не Завалишинъ!

Гансъ брезгливо поморщился. Терентій Васильевичъ пытливо послотрѣлъ на Бориса.

— Ты сынъ Завалишина? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Неправда! Я Неколовъ. И я, я одинъ

убилъ кота. Это вѣдь ужасно — выгоняютъ Завалишина, сегодня, а это я! Ради Бога! Вы все можете...

— Помолчи! — рѣзко перебилъ его Прохоровъ и повернувшись къ Гансу, сказалъ ему крайне холодно:

— Вотъ и опять, Адольфъ Карловичъ. Пустое дѣло. Я просилъ васъ разслѣдовать и уволить отца виновнаго. А вамъ не угодно было вникнуть въ такія мелочи. У васъ все — „мелочи". И вы выгоняете перваго попавшагося! Чтобы потомъ говорили, что Прохоровъ самодуръ, выгоняющій ни въ чемъ неповинныхъ людей на улицу!

— Разрѣшите вамъ доложить, Терентій Васильевичъ, — началъ Гансъ, но Прохоровъ не далъ ему договорить.

— Намъ невозможно здѣсь на подножкѣ автомобиля продолжать этотъ разговоръ. Я покорнѣйше прошу васъ, Адольфъ Карловичъ, сейчасъ же распорядиться объ отмѣнѣ увольненія этого Развалишина, или какъ его тамъ. И вообще никого не увольнять по этому глупому дѣлу. Только, чтобы этого кавалера, — онъ кивнулъ въ сторону Бориса, — здѣсь больше не было. До свиданья!

И Терентій Васильевичъ поспѣшно вошелъ въ подъѣздъ.

— Впередъ! — нетерпѣливо крикнулъ Адольфъ Карловичъ шоферу.

Моторъ рванулся и проѣхалъ къ дому главнаго управляющаго. Борисъ внезапно остался одинъ, еще не ясно понимая, что же случилось. Хорошо это или плохо? Что же будетъ теперь? То ему казалось, что вышло хорошо. Вѣдь онъ" приказалъ отмѣнить увольненіе. То ему становилось страшно за дядю. Неужели онъ подвелъ его! Не зная что дѣлать и какъ все это понимать Борисъ бросился ко мнѣ и подробно передалъ мнѣ обо всемъ происшедшемъ. Бѣдняга весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и я долго не могъ успокоить его.

V. Проводы.

Борисъ боялся итти домой. У моей старушки Василисы Федоровны всегда былъ горячій самоваръ, и я напоилъ Бориса чаемъ. Я вникалъ въ подробности его разсказа, разспра-

валъ его, и онъ просидѣлъ у меня часа два. Вдругъ прижалъ къ намъ, именно прибѣжалъ, Мельниковъ, за нимъ ти сейчасъ же примчался рыжій Бабинъ и другіе. Краснокій Мельниковъ, задыхаясь отъ бѣга и волненія, разскаъ, что Завалишина простили, что онъ остается. Я сейчасъ разослалъ нашихъ ребятъ назадъ, чтобы они навели пообныя справки про Завалишина и, главное, про Боринаго дю, и пришли ко мнѣ разсказать.

Чего только не могутъ узнать ребятишки! Не знаю какъ черезъ кого они все узнали, но черезъ какой нибудь часъ были обо всемъ освѣдомлены довольно подробно и точно. бъ увольненіи дяди пока ничего не слышно. Завалишины таются безспорно. Прибѣжалъ сіяющій Коля и захлебываъ разсказывалъ, какъ они сперва вѣрить не хотѣли, какъ лько что вернувшагося отца вызвали въ контору, какъ онъ ибѣжалъ оттуда домой радостный. Прибѣжавшіе съ развдокъ мальчики принесли и другія вѣсти, а именно то, что е это было дѣло рукъ Бориса. Какими-то путями это стало ѣмъ извѣстно. Для насъ, однако, участіе Бориса не было овостью.

Мальчики смотрѣли на Бориса, какъ на героя, какъ на казочнаго побѣдителя, какъ на свершившаго невозможное. самъ герой все еще не зналъ, можно ли ему радоваться ли нѣтъ. Наконецъ, прибѣжалъ одинъ мальчикъ и передалъ, го Бориса ищетъ дядя.

— Я пойду! — сказалъ Борисъ и какъ-то весь съежился.

Я видѣлъ, что онъ очень волновался. Лицо его замѣтно облѣднѣло, и большой шрамъ на правой щекѣ особенно ѣзко выдѣлялся своею краснотою.

— Не робей, Борисъ! — крикнулъ я ему вдогонку.

Мальчики гурьбою пошли за нимъ.

Боря вернулся ко мнѣ минутъ черезъ двадцать. Дядя ыгналъ его вонъ и потребовалъ, чтобы онъ сейчасъ же уѣзалъ прочь, въ Ярославль, къ своей матери. Пароходъ отхоилъ часа черезъ полтора, и Борисъ забѣжалъ ко мнѣ протиться. Да и надо же было ему куда нибудь дѣться.

— Какъ же это онъ тебя? Вдругъ, такъ... сразу... — дивился я.

— Даже въ домъ не впустилъ! Съ теткой проститься не далъ. Выгналъ вонъ, какъ собаку. Пальто мое выбросилъ мнѣ изъ окна и сказалъ, что вещи мои самъ доставитъ матери. Далъ рубль на дорогу. „Что-бъ ты, сукинъ сынъ, сегодня же уѣзжалъ прочь!“ — сказалъ.

Я опять принялся успокаивать мальчика. Я просилъ его дать мнѣ адресъ его матери, обѣщалъ ему въ ближайшее же воскресеніе побывать у нихъ. Мнѣ было глубоко жаль этого славнаго мальчугана и хотѣлось что нибудь для него сдѣлать. Я понималъ, что онъ возвращается къ своей матери въ домъ не на радость.

Борисъ просидѣлъ у меня около часу и прямо отъ меня отправился на пристань. До Ярославля было отъ насъ не далеко, пароходъ шелъ не больше часу. Борисъ еще за свѣтло могъ добраться домой. Я рѣшилъ проводить его и хотѣлъ купить ему чего нибудь на дорогу.

На пристани насъ ждало нѣчто удивительное. Проводить изгнаннаго героя собрались чуть ли не всѣ ребятишки, многіе съ сестрами. Ихъ всѣхъ было человѣкъ сорокъ, если не больше. Они заполнили собою всю пристань. Публика и пароходные служащіе рѣшили, что происходятъ проводы учителя. Каждый старался сказать Борису ласковое слово пожать ему руку, обнять. Многіе принесли ему разныхъ гостинцевъ на дорогу. Кто пирожокъ, ватрушку, кто пару леденцовъ, кто вишень. У Бориса въ рукахъ былъ свертокъ моихъ сладкихъ пирожныхъ. Онъ заполнилъ всѣ карманы свои, руки его были полны, но дружескія рученки съ ласковою настойчивостью совали ему съ разныхъ сторонъ еще и еще.

Когда пароходъ уже подходилъ къ пристани, прибѣжали запыхавшіеся Завалишины. Всѣ. Впереди бѣжалъ отецъ съ мальчиками, сзади, отставая отъ нихъ, торопилась мать съ двумя младшими.

— Гдѣ, гдѣ онъ? — кричалъ взволнованный, задыхавшійся Завалишинъ. — Боренька, — бросился онъ къ нему. — Родной мой...

Онъ хотѣлъ говорить, но задыхался, и слезы мѣшали ему. Онъ обнималъ Бориса, цѣловалъ его. Слышались полубезсвязныя слова:

— Спасъ! Всѣхъ насъ спасъ! Вотъ онъ кто! Вотъ это какой мальчикъ! — обращался онъ ко всѣмъ окружающимъ. — Вѣдь спасъ! Все на себя принялъ! Не такъ, какъ другіе...

Въ это время добѣжала и сама Завалишина. Она схватила Бориса и судорожно, какъ родного любимаго сына обнимала его. Она толкала впередъ маленькихъ и заставляла ихъ цѣловать его и благодарить.

— Всѣхъ, всѣхъ васъ спасъ онъ! Онъ одинъ!

Я не знаю, что было бы дальше. Второй свистокъ заставилъ прекратить эту сцену.

— Иди, Борисъ, опоздаешь! — сказалъ я ему.

Борисъ вырвался, крѣпко, порывисто обнялъ меня и бросился по крутымъ сходнямъ наверхъ, на пароходъ.

— Прощай, Борисъ! Не забывай насъ! — кричали мальчики.

— Ангелъ ты нашъ! Родной нашъ! Да хранитъ тебя Господь! — причитали Завалишины.

Третій свистокъ. Сходни убрали. Съ могучимъ шумомъ повернулось огромное колесо, и пароходъ сталъ медленно отдѣляться отъ пристани,

— Прощай, Боря! Прощай! — кричали со всѣхъ сторонъ.

Махали шапками, платками, руками. Завалишина крестила его дрожащею рукою. Завалишинъ махалъ фуражкою и что-то кричалъ вслѣдъ. А тамъ на высокомъ борту большого красиваго бѣлаго парохода, среди множества безразличной публики, виднѣлась маленькая, крѣпенькая фигурка мальчика не то грустно, не то радостно махавшаго намъ фуражкою.

— Дай Богъ ему счастья! — проговорила около меня Завалишина.

— Хорошій парень! Дай ему Богъ!

Пароходъ отошелъ уже далеко. Мы стали медленно расходиться. Ко мнѣ подошелъ Дима Мельниковъ и взялъ меня за руку.

— Ты что, Дима? — спросилъ я.

— Жалко Бориску! — сказалъ онъ, видимо крѣпясь, чтобы при всѣхъ, на людяхъ не расплакаться.

И вдругъ, повернувшись ко мнѣ всѣмъ тѣломъ онъ произнесъ какъ-то почти восторженно:

— А я хотѣлъ бы, чтобы меня когда нибудь такъ провожали!

Я положилъ руку на его плечо, и мы молча пошли по зыбкимъ сходнямъ на берегъ.

Пожалуй, — и я хотѣлъ бы, чтобы меня когда нибудь такъ провожали.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вышли изъ печати

1 и 2. Д. С. Мережковскій. — „Наполеонъ“ т. I и II.
3, 4 и 16. Е. Н. Чириковъ. — „Отчій Домъ“, романъ, т. I, II и III.
5. А. В. Амфитеатровъ. — „Заря русской женщины“, очерки.
6. З. Гиппіусъ. „Петербургскій дневникъ 1914—1918 г.“
7. Б. К. Зайцевъ. — Разсказы.
8. А. И. Купринъ. — „Елань“, разсказы.
9. И. С. Шмелевъ. — „Въѣздъ въ Парижъ“, разсказы.
10. А. М. Ремизовъ. — „По карнизамъ“, повѣсть.
11. К. Д. Бальмонтъ. — „Въ раздвинутой дали“, поэма о Россіи.
12. И. А. Бунинъ. — „Грамматика любви“, разсказы.
14. А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій попъ XVII столѣтія“.
15. В. Н. Ладыженскій. — „За рубежомъ“, разсказы.

Учебники:

Л. М. Сухотинъ. — Исторія Среднихъ Вѣковъ.

Печатаются:

17. Д. С. Мережковскій. — „Атлантида — Европа“.
18. С. П. Мельгуновъ. — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. I.
20. А. И. Купринъ. „Колесо времени“, разсказы.

Готовятся къ печати:

13. А. М. Ремизовъ. — „Ровъ львиный“, романъ.
19. С. П. Мельгуновъ — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. II.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Вышли изъ печати:

1. И. С. Шмелевъ. — „На морскомъ берегу“, разсказы.
2. Е. А. Елачичъ. „Сильные духомъ“, разсказы.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1. Народныя русскія сказки, вып. 1.
2. Народныя русскія сказки, вып. 2.
3. Народныя русскія сказки, вып. 3.
4. Народныя русскія сказки, вып. 4.
6. Народныя русскія сказки, вып. 5.
7. Народныя русскія сказки, вып. 6.
5. Саша Черный. — „Серебряная елка“, сказки.

Печатаются:

8. Саша Черный. — „Румяная книжка“.

Цѣна 25 динаръ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССІЯ.
Палата Академиіе Наука.
Јакшићева ул. бр. 2. Београд.